

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ИНСТИТУТ ЭТНОЛОГИИ И АНТРОПОЛОГИИ

**ИССЛЕДОВАНИЯ
ПО ПРИКЛАДНОЙ
И НЕОТЛОЖНОЙ
ЭТНОЛОГИИ**

№ 135

Г.В. ЗАУРБЕКОВА

**СЕПАРАТИЗМ
В ЧЕЧНЕ**

**Москва
2000**

**ИССЛЕДОВАНИЯ
ПО ПРИКЛАДНОЙ
И НЕОТЛОЖНОЙ
ЭТНОЛОГИИ**

№ 135

Г.В. ЗАУРБЕКОВА

**СЕПАРАТИЗМ
В ЧЕЧНЕ**

**Москва
2000**

ISBN 5-201-14658-10(15)

© Серия "Исследования по прикладной и неотложной этнологии"
Института этнологии и антропологии РАН. Документ N 135.

Редакционная группа:
В.А.Тишков (отв.ред.)
Н.А.Лопуленко
М.Ю.Мартынова

Материалы серии отражают точку зрения авторов и могут не совпадать с позицией редакционной группы

При использовании ссылка на материалы обязательна

По вопросам приобретения материалов обращаться по адресу:
117334, Москва, Ленинский проспект, д.32а.
Институт этнологии и антропологии РАН
тел. 938-00-19, 938-07-12
E-mail ANTHPUB@IEA.RAS.RU
fax: (7-095) 938-06-00

Документ № 135

Г.В. ЗАУРБЕКОВА
СЕПАРАТИЗМ В ЧЕЧНЕ

Об авторе

Заурбекова Галина Висаевна – кандидат исторических наук, профессор. Работала преподавателем на кафедре всеобщей истории Чечено-Ингушского университета. С 1994 г. она – профессор кафедры политологии в Махачкалинском отделении Российского Гуманитарного университета.

About the Author

ZAURBEKOVA, GALINA VISAEVNA

Ph.D. (candidate of sciences in history), Associate Professor. She was a lecturer at the Chair of general history in the Chechen-Ingush University. Since 1994 she has been Associate Professor at the Chair of political sciences in the Makhachkala branch of the Russian Humanitarian University.

Summary

ZAURBEKOVA G.V. SEPARATISM IN CHECHNYA.

The paper describes the most important prerequisites, conditions and causes of the Chechen separatism. Specific features of the Chechen separatism are based on the fact that at the moment of its origin it had no basis in the form of the developed nationalistic tradition, and it had no formulated ideological platform or program of further activities either. Another typical feature of the Chechen separatism was that it had been strongly influenced by the separatist leaders themselves. Nevertheless it was wrong to consider that there was no ground for separatism in Chechnya. Total unemployment and the break-up of the USSR, the later taking away all sources of subsistence from the absolute majority of the Chechnya's population, became powerful factors of isolationism in the Republic.

Leaders of the Chechen separatism and their ideological programs had no links with the previously formed cultural traditions of the Chechen people. The idea of 400 years old conflict between Chechnya and Russia, put forward by the Dudaev's supporters, has no grounds, and it has been just a manipulative propaganda construction.

ВВЕДЕНИЕ

Среди всех социальных и национальных конфликтов сепаратизм, несомненно, занимает особое место. И не столько общим деструктивным характером конечных результатов, к которым он приводит (разлом государства, разрыв традиционных, зачастую естественно возникших экономических, политических, культурных и иных связей и как результат — обвал этих сфер жизни, долгая духовная, нравственная деградация населения, криминализация жизни, и др.), сколько очевидной бессмысленностью вызванных им жертв, стихией иррациональной энергии, высвобождаемой из недр общества, из закоулков человеческих душ.

С теоретической точки зрения, сепаратизм — явление крайне эклектичное, относящееся скорее к общественной психологии, чем собственно к теоретическому сознанию, идеологии; он в большей степени состоит из непроясненных предчувствований и предрассудков.

Зачиная сепаратизм под лозунгом национального освобождения, его адепты, как правило, маскируются под наследников и продолжателей борьбы за национальную свободу, бескомпромиссных борцов против империи. Однако очень скоро жизнь срывает с них маски, и сепаратисты предстают в истинном своем обличье — как свора хищников и стяжателей, жиреющая на разграблении народного достояния, на казнокрадстве, жаждущая богатства и власти.

Наверное, сейчас не имеет значения был ли тот или иной фигурант сепаратизма специально заслан извне для выполнения задания, а потом поддавшись искушению власти и денег, решил вести самостоятельную игру, выйдя из подчинения хозяев, или же он

сформировался в самой Чечне, в условиях тотальной безработицы и крайнего социального напряжения. Важны общие губительные результаты деятельности таких людей, независимо от того, откуда они прибыли, поскольку страдания, нищета, одичание, насилие и работоторговля, небывалый разгул преступности приняли беспрецедентный размах с началом сепаратистских игр в Чечне. Чем дольше длится разрушительная деятельность сепаратистов, тем больше преступлений совершается ими. Они смертельно боятся, что рано или поздно им придется ответить: ради чего были причинены столь тяжкие и неисчислимы страдания, ради чего погибли сотни тысяч неповинных людей? В какой мере оправданы эти жертвы и кто ответит за унижение и разграбление народа? Страхась ответственности и народного гнева, сепаратисты множат преступления, готовые принести в жертву даже большую часть народа, чтобы удержаться у власти.

Генерал Дудаев так и заявил однажды в выступлении по республиканскому ТВ, что его устраивает перспектива спалить в огне войны 70% недостойных свободы чеченцев ради того, чтобы оставшиеся 30% могли пользоваться ее благами. Дудаев был военным и понятия не имел, что когда-то бесы Достоевского прибегали к аналогичной математике, планируя усовершенствование общества. Выскочка смутного времени, настолько же невежественный, насколько и амбициозный, он искусен был только в грабеже народного достояния, в самой примитивной и дешевой демагогии и не был особо обременен познаниями в художественной литературе, да и вообще в гуманитарной культуре. Однако само по себе

совпадение высказываний генерала и бесов Достоевского довольно многозначительно.

Уже с первых шагов пребывания у власти сепаратисты прибирают к рукам все общенародное достояние. Нефтяной комплекс вместе с нефтепроводами, даже буровые вышки были поделены между вчерашними уголовниками, ставшими теперь бригадными генералами, которых народ метко называл «бригадирами уркаганов». Вчерашние безработные, лица без определенных занятий, они захватили общественные земли, даже фундаменты и остовы разрушенных зданий, базарные площадки, частные дома, квартиры, обзавелись целыми парками иномарок, построили роскошные особняки, напигованные современной электроникой.

Среди них — и неудавшийся серенький поэт, вообразивший себя выдающимся политическим деятелем, и тоже протискивающийся к нефтяному комплексу, наподобие пиявок приставивший к нефтяной трубе и бензоколонкам своих братьев, двоюродных и троюродных племянников, и водитель сельского автобуса, разграбивший склады российской армии и сколотивший самую многочисленную банду из отпетых головорезов, также обзаводится мерседесами, личной охраной, становится вице-президентом, курирует иностранные дела, по своему усмотрению объявляет персонами нон грата то одного, то другого представителя России в Чечне, поднимает шум до небес, когда при выезде за границу от него потребовали соблюдения общепринятых формальностей.

Еще один мелкий мошенник и вздорный составитель никчемной газетки объявлений и телепрограмм, возведенный российскими СМИ, кстати, страны, ведущей войну против бандформирований, в ранг лучшего идеолога и пропагандиста всех времен и

народов, ставший при Дудаеве и последующих правителях владельцем телеканалов, газет, особняков с подземными гаражами, бассейнами и спортзалами. Буквально накануне дудаевщины, обращавшийся в поисках работы к председателю теле- радиовещания, этот бывший уголовник жаловался, что ему не на что содержать жену и ребенка. В считанные месяцы после переворота он на доходы от «национальной революции» берет вторую жену из девушек, чьи суженные погибли в той самой истребительной войне, которую развязал «лучший идеолог всех времен и народов». (А сколько еще таких девушек останутся без своих женихов и будут либо вынуждены соглашаться стать вторыми и третьими женами тех, кто развязал эту бойню, или коротать горький век старыми девами, лишенными любви, не ведая радости материнства и семейных уз?).

Не только разжалованные за нечистоплотность бывшие начальники или несостоявшиеся артисты, но и обласканные прежними властями историки, преподаватели школ и ВУЗов оказались в одной упряжке с национал-карьеристами, имевшими по несколько судимостей, с перевертышами спецслужб и стукачами, мошенниками и казнокрадами. И все вместе жадной и ненасытной сворой они бросились на разграбление республики. Страна должна знать своих «героев». Их фотографировали не иначе как на фоне портретов Шамиля, Шейха Мансура, они-де их наследники и продолжатели.

Эти самозванные выскочки, на руках которых — несмываемая кровь павших в межнациональной войне, на совести которых — боль и стоны сотен рабов-заложников, замученных в подземных норах, содрогаются при мысли о том, что рано или поздно придется ответить на главный вопрос: ради чего принесены в жертву жизни почти 150 тысяч ни

в чем не повинных стариков, женщин, детей, сотен и тысяч российских солдат.

Сепаратизму был дан зеленый свет именно развалом СССР, сознательным и целенаправленным сломом государства. Паралич центральной власти дал мощный импульс дремавшим дотолде сепаратистским движениям, протра-

ция центральной власти поощрила сепаратизм, стала сильнейшим катализатором разрушительных процессов. Исследованию глубоко деструктивной роли сепаратизма на примере трагического опыта Чечни и посвящена предлагаемая работа.

ВАЖНЕЙШИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ, УСЛОВИЯ И ПРИЧИНЫ ЧЕЧЕНСКОГО СЕПАРАТИЗМА

ЧТО ТАКОЕ СЕПАРАТИЗМ?

Некоторые авторы высказывали мнение, что коренной порок Советского Союза состоял в том, что он являлся трансформированным вариантом Российской империи, т.е. искусственным, насильственно созданным и удерживаемым образованием; это-де и предопределило изначальную обреченность СССР. Весьма показательна в этом плане недавно опубликованная в «Независимой газете» статья¹.

По меньшей мере недоумение вызывает некоторая безапелляционность утверждения, будто Россия была искусственным, насильственно созданным образованием. Как-то не вяжется со здравым смыслом и логикой, что образованный человек, занимающий весьма ответственный пост личного представителя президента Грузии по вопросам урегулирования конфликтов, понятия не имеет, что в прошлом целый ряд народов, в том числе и грузинский, и армянский, присоединились к России добровольно, так как оказались в смертельной опасности, угрожавшей самому их существованию как самостоятельных народов.

Для условий своего времени и места образование Российского государства было закономерным и исторически

прогрессивным. Как было прогрессивным и оправданным добровольное присоединение к нему целого ряда соседних народов. Это - во-первых.

А, во-вторых, утверждение, будто СССР, созданный якобы по образу и подобию той же России, изначально заключал в себе собственное отрицание, содержит не больше истины, чем приснопамятная мысль Хлестакова о том, что жизнь его когда-нибудь кончится смертью. Ну, а если серьезно, то мы вправе заметить, что СССР отнюдь не был обречен, а назревшие вопросы его реформирования могли быть успешно решены и в 1991 году. И именно с целью недопущения этого реформирования СССР был взорван изнутри преступным сговором. Разумеется, это только мое личное мнение.

В-третьих, что касается утверждения высокопоставленного чиновника, будто Запад вплоть до 1991 года пытался найти такие формы трансформации СССР, которые позволили бы сохранить его единство, и с большим подозрением относился к проявлениям крайнего национализма в союзных республиках, то, право же, оно и возражения не заслуживает. Пусть оно останется на совести автора.

С общеисторической точки зрения, сепаратизм есть проявление одной из двух взаимосвязанных, взаимообусло-

вленных тенденций мирового развития, которые историки издавна называют центростремительной и центробежной. В ходе исторического прогресса эти тенденции попеременно сменяют друг друга. С центробежной тенденцией и связан сепаратизм, который есть деструктивное, попятное движение, есть зигзагообразное, нередко существенное искривление общей поступательной тенденции прогрессивного развития истории, в конечном счете — прокладывающее себе дорогу вопреки всем этим зигзагам, искривлениям, отступлениям вспять.

Сепаратизм — путь не к взаимовыгодному сотрудничеству народов, не к интеграции, а к изоляционизму. Он оживляется в эпохи социально-политических и духовных кризисов, потрясений, катаклизмов, вследствие паралича централизованной власти, наступающего после поражения в войне, после разрушительных стихийных бедствий. Но в отдельных случаях сепаратистский процесс может быть запущен и в относительно стабильной ситуации.

В литературе высказывалось предположение, что сепаратизм редко возникает в одной отдельно взятой стране; обычно его приливная волна пробегает по ряду стран, весьма отдаленных друг от друга географически, и даже различающихся по этническому происхождению народов, вовлекаемых в это движение. «Сепаратизм, который может быть определен как требование независимости, — отмечается в книге «Сепаратизм», — на этнически определенной территории направлен против государственной власти, с идеологической точки зрения, был и остается неизбежным проявлением национализма в оппозиции»². По мнению авторов этой монографии, сепаратизм не дифференцируется внутри себя: «...Не существует степеней сепаратизма, нет и градуированной шкалы его измере-

ния, он тотален, ему неведом компромисс. По неумолимой логике националистической идеологии сепаратизм всегда представляет собой самое последовательное и бескомпромиссное проявление национализма»³.

Сепаратизм как наиболее полное проявление требований сецессии не довольствуется идеями национальной автономии внутри существующего государства и добивается отделения и образования отдельного государства. Между тем, сецессии, как правило, требует меньшинство населения, и даже в случае временного успеха возникает реальная угроза для новообразуемого государства со стороны исходного, большого государства, стоящего на страже своего суверенитета. Это во-первых. А во-вторых, при этом следует учитывать такую особенность сепаратизма, что он почти всегда имеет поддержку — и материальную, финансовую, и моральную — со стороны других заинтересованных стран, нередко находящихся во враждебных отношениях или даже добивающихся ослабления того государства, в котором развивается сепаратизм. Позднее, однако, к увлеченным сепаратизмом народам неизбежно приходит отрезвление, многие начинают понимать, что другие-то страны имеют свои корыстные цели; ожидания инвестиций оказываются напрасными, надежды на быстрое процветание за счет инвестиций благодетелей — угасают.

Сепаратизм — это оголтелая, выходящая за пределы рациональной логики экстраполяция национализма. Общеизвестно, что национализм в своем полнейшем проявлении как идеология, апеллирующая исключительно к национальному сознанию одной этнической группы населения и вызывающая в конечном счете межнациональную рознь, аморален по существу. Но как ни парадоксально, не имея право-

вой базы для обоснования своих притязаний ни в национальных законодательствах, ни в международных правовых нормах, он апеллирует именно к моральному содержанию, ищет поддержки у мирового общественного мнения. Но что вообще выводит эту ситуацию за рамки всякой логики, так это то, что за моральной поддержкой к международному общественному мнению обращаются апологеты сепаратизма, которые в абсолютном большинстве своем стоят вне всякой морали. С полным основанием отметил проф. В.А. Тишков: «Сегодня уже ясно, что один из уроков сепаратизма — это скорее аморальность, чем безоговорочная моральность идеологии и практики развода вместо совместных усилий по улучшению общественного правления и культурного сосуществования»⁴.

Когда имеешь дело с сепаратизмом, надо иметь в виду, что он весь соткан из противоречий и парадоксов. Так вот, очередной парадокс сепаратизма состоит в том, что национализм как политическое течение в Чечне насаждался Дудаевым искусственно, он не имел корней в духовной жизни предшествующих десятилетий. Еще в 30-е–40-е годы НКВД пытался через своих агентов, заброшенных в чеченские горы, спровоцировать выступление против советской власти под националистическими лозунгами. Был проведен даже съезд некоей, сработанной не без участия органов НКВД, Националистической партии с активным участием недоброй памяти Хасана Исраилова в самый разгар Отечественной войны. Однако чеченцы не приняли националистов и на этой позиции стояли вплоть до массовой депортации 1944 года. Не обнаружился национализм и позднее, после восстановления республики в 1957 году, как ни пытались его найти и разоблачить официальные

власти. То, что навешивались ярлыки националистов на некоторых представителей чеченской интеллигенции не имело под собой основания, ибо у них не было ни политической программы, ни политических действий, а тем более социальной базы среди чеченского народа.

Возникает вопрос, против кого должен был быть направлен этот национализм? Против национального угнетения со стороны России? Его не было. Более того, русский народ заслужил огромное уважение именно самоотверженной экономической, культурной, политической помощью народам бывших национальных окраин. Может быть, сепаратизм подогревался преследованием верующих? Да, такое было, но каток репрессий проехал по представителям всех конфессий. Однако, начиная с 1943 года, был взят курс на диалог, а, возможно, и сближение между государством и религией, особенно христианской.

Советская власть, социализм дали мощный толчок развитию национальных языков, культур народов окраин; национализму не на чем было спекулировать. Другое дело, что позднее обнаружилось кризисные явления в этих направлениях культурного строительства, но они отнюдь не составляли серьезной базы для национализма. Даже депортация народа в 1944 году не вызвала среди чеченцев и ингушей ни националистических, ни антирусских настроений. Нет ни одного документа, который бы зафиксировал такие проявления.

Имея, очевидно, задание от определенных сил Центра, не скованный никакими моральными рамками, именно генерал Дудаев и его команда отчаянно пытались разжечь пламя межнациональной розни в Чечне, преследуя цель отвлечь внимание от осуществлявшегося полным ходом развала и ограбле-

ния страны. Более того, эта рознь об-
являлась извечной, имеющей якобы
глубокие исторические корни. Как
пример приводились кавказские войны
России, продолжительность которых
придворные историки генерала «дове-
ли» до 400 лет. А генетически русско-
чеченские отношения покоились якобы
на извечной вражде наподобие арабо-
еврейской, азербайджано-армянской и
др. Однако такие сравнения совершен-
но некорректны, так как ни национа-
лизма, ни русофобии не было в Чечне
во все предшествующие десятилетия.
Не раз и не два наблюдал автор этих
строк, постоянно находившийся в Чеч-
не, как антирусские провокаторские
заявления Дудаева вызывали неодоб-
рение и осуждение простых чеченцев.

Можно, конечно, предположить на-
личие скрытых до поры до времени
дремлющих чувств национальной не-
терпимости, предрасположенности, ес-
ли так можно сказать, к этнофобии. Но
по отношению к этнофобии сказанное
справедливо в такой же мере, как и по
отношению к любому деструктивному
чувству в человеке, высвобождающе-
муся вместе с разрушением сдержива-
ющих препон в виде социальных регу-
ляторов и, в первую очередь, с разва-
лом государства. Думаю, что такое су-
ждение имеет право на существование.
Сепаратизм, как правило, возникает
там и тогда, где и когда создается на-
пряжение от хаоса и анархии, возни-
кающей вместе с разрушением госу-
дарственной власти.

Говоря вообще, можно допустить,
что в иных случаях в качестве основ-
ной причины на первое место выходит
национальная несправедливость, угне-
тение, ущемление в правах того или
иного этноса. Но и это правило имеет
исключение. Между прочим, целый
ряд авторитетных комиссий ООН на-
кануне распада Югославии отмечали и
существенные успехи в разрешении

назревших проблем межнациональных
отношений и относительное благопол-
лучие в социальной и экономической
сфере. Примерно так же обстоит дело и
с таким фактором сепаратизма как со-
циально-экономическая напряженность.
Ни в Шотландии, например, ни в Оль-
стере, ни в Испании она не отмечается.

Экономический кризис, социальное
напряжение как одно из слагаемых
сепаратизма, несомненно, распростра-
ненное явление, но не обязательное
для каждой страны. Не лишено осно-
вания наблюдение современного ис-
следователя Брукмана, отметившего,
что «национализм», (сепаратизм. —
Г.З.) процветает, невзирая ни на эко-
номическое благополучие, ни на ин-
тернационализацию современных тех-
нологий, ни на усиление потоков мно-
гонациональной рабочей силы через
границы»⁵. По-видимому, общий вы-
вод, который напрашивается из ска-
занного, состоит в том, что сепаратизм
стимулируется не просто механиче-
ской совокупностью некоторых поро-
ждающих его причин, а их определен-
ным в каждой конкретной ситуации
сочетанием, когда одни причины могут
выступать как ведущие, главные, дру-
гие - как не основные, сопутствующие.

В Чечне порождающей причиной,
демиургом сепаратизма стало тяже-
лейшее обострение экономической
ситуации, безработица подавляющего
большинства трудоспособного насе-
ления, особенно усилившаяся в связи с
развалом Советского Союза. Но сама
война была развязана заинтересован-
ными в ней силами. В других регионах
набор таких причин может варьиро-
вать, но даже если все они входят в
обойму стимулирующих, на роль де-
миурга, ведущего фактора может вы-
двигаться то или иное обстоятельство в
зависимости от конкретной историче-
ской, политической, демографической
ситуации.

Несколько подробнее об экономической ситуации в Чечне в связи с сепаратизмом. Здесь был самый высокий уровень безработицы не только в регионе Кавказа, но и во всем Советском Союзе. Массовый выезд на заработки абсолютного большинства трудоспособного населения породил огромное количество проблем социального и нравственного порядка. В нефтяной отрасли было занято ничтожно малое количество чеченцев, а заработки в сельском хозяйстве были настолько низкими, что прожить на них не составляло никакой возможности. Безработные большую часть года проживали в отдаленных регионах страны, работая от зари до зари, без выходных дней и, как правило, без медицинского обслуживания. Многие выезжали семьями, дети приступали к учебе в школе в лучшем случае в ноябре — декабре, а уже в апреле возвращались на «шабашку». Юношество, оказавшись вне привычного нравственного культурного пространства родного села или аула, нередко приобретало склонность к противоправному поведению. Впоследствии они оказались самой легкой добычей сепаратистов, бесстыдно спекулировавших на экономических трудностях республики. Первых рекрутов для боевиков поставила именно эта среда.

Поистине роковую роль в быстром распространении сепаратизма сыграл развал СССР. Вследствие этого большинство трудоспособного населения лишилось возможности выехать на заработки в другие регионы. Да, для республики, где постоянной работы не имели 78% трудоспособного населения, которое все прошлые десятилетия существовало за счет т.н. «шабашки» вне своей республики, развал СССР стал настоящей катастрофой. Надо было видеть эти толпы безработных мужчин, слонявшихся по Грозному, районным центрам в поисках хоть ка-

ких-нибудь средств к существованию, пообщаться с этими небритыми, часто озлобленными мужчинами, увидеть злой блеск в глазах, которые у многих были нетрезвыми, и вас наполняла смутная тревога, что надвигается какая-то беда. Так оно и случилось буквально через 2–3 месяца, когда была разрушена легитимная власть, и республика погрузилась в хаос безвластия.

Вернемся, однако, к уже упоминавшемуся разрушению государственной власти как фактору сепаратизма. Думается, будет правомерным сказать, что, по существу, этот фактор выполняет роль пускового механизма всего сепаратистского процесса. В этом смысле не столь существенно, какого типа была государственная власть. Если обратиться к опыту истории, то империя Александра Македонского или, скажем, государство Чингис-Хана, цементирующей основой которых были личности, воля, энергия великих завоевателей, распались после смерти своих творцов. А, к примеру, Австро-Венгерская империя, бывшая с самого начала таким же конгломератом весьма разнородных по уровню экономического, политического, культурного развития разноязыковых регионов, распалась после социальных потрясений первой мировой войны. Общее во всех этих и подобных им случаях — это ослабление единой централизующей государственной власти, что полностью подтвердилось и развалом СССР.

По моему, возможно, не бесспорному мнению, развал СССР инициирован и осуществлен правящим режимом в союзе с элитами национальных республик вопреки чаяниям народов, которые незадолго до того в большинстве своем высказались за сохранение СССР на обновленной основе. Развал СССР был не просто трагической ошибкой, это было преступление, как и

приглашение субъектов Российской Федерации к безбрежной суверенизации: «Берите суверенитета столько, сколько сможете проглотить». До этого периода сепаратизм находился в латентном состоянии, как некая возможность, которая могла и не реализоваться, если бы у политиков достало желания и доброй воли сохранить великую державу. Убедительное тому доказательство: даже и теперь, после катастрофы 1991 года народы тяготеют друг к другу, стремятся возродить реформированный Союз, несмотря на иступленное сопротивление режима.

СЕПАРАТИЗМ В ДЕЙСТВИИ

В Чечне, где сепаратизм был вдохновлен и вооружен Центром, за одну только попытку провести референдум по вопросу о том, оставаться или выйти из России, чеченская оппозиция была безжалостно расстреляна Дудаевым в 1994 году. Кстати, для расстрела оппозиции были отозваны из Абхазии наиболее свирепые части боевиков, поднаторевших на убийствах в Афганистане и Абхазии. Понадобились услуги именно этих псов войны, чтобы выбить из оппозиции саму мысль о возможности оставаться в составе России. Это, несомненно, одно из самых трагических событий истории многострадального народа: впервые в своей истории одни чеченцы расстреляли других по политическим мотивам. Такого еще не знала история этого народа.

Итак, сепаратизм получил мощный импульс из Центра. Я приведу только один лишь факт для подтверждения сказанного. Еще до первой чеченской войны, когда спросили весьма осведомленного М.С. Горбачева о том, когда же, по его мнению, закончится чеченская драма, то он ответил с полной уве-

ренностью: «Когда Центр отзовет из Чечни своего человека, генерала Дудаева».

Вспомним, с чего начиналась «катастрофка». С приснопамятной максимы: «Разрешено все, что не запрещено законом». Позже российские юристы насчитали более двухсот видов деяний, квалифицируемых как уголовные преступления, но не упомянутых в действующем законодательстве. Такое, преступающее закон, поведение представляет социальную и юридическую опасность для общества. И вот, пользуясь несовершенством действующего законодательства, узкий круг людей, поощряемых режимом, в ходе самой грабительской в истории приватизации захватил национальное достояние страны, созданное трудом нескольких поколений. Это было реальным воплощением в жизнь категорического императива горбачевской политики: «Разрешено все, что не запрещено законом».

Правящий режим не только развязал безудержные частнособственнические инстинкты людей, породил национальный и групповой эгоизм, но и подстегнул их к противостоянию друг другу, вызвал подозрительность в межнациональных отношениях. Развал поддерживали национальные элиты окраин, кризис стал всеобщим, ибо была разрушена экономическая основа государства, общественный и политический строй, само государство. Режим стимулировал сепаратизм, а тот, в свою очередь, разрушал государство.

Паралич центральной власти позволил в полной мере реализовать принцип «все дозволено». Одурманенным полным снятием любых ограничений в мыслях и действиях обывателям пропаганда новых властей внушала, что в их безработице, нищете виновны русскоязычные, что все беды, случавшиеся и прежде в истории — все от них. И вот, ошалевшие от безвластия и анар-

хии безработные, маргинальные и люмпенизированные группы сбиваются в большие толпы, возбуждаются все больше искусно распространяемыми слухами, которые были один нелепей другого. Эти толпы слоняются по улицам, собираются на площадях, вокзалах, пытаются дать выход накопившимся у них агрессивным комплексам. Сбрасывают с постаментов памятники Ленину, хотя как раз Ленин ни в чем не провинился перед чеченцами. (Памятник оказался на редкость прочным; его дробили несколько дней кувалдами, превращая в пыль и обломки.). Посвященные люди говорили, что по каждому поводу Дудаев консультировался с Москвой и без ее ведома не делал ни одного шага, в том числе и по разрушению памятников. Потом взялись за бюст Чехова, памятник поэту Полежаеву — все обратили в прах. Беснующиеся толпы ломают и крушат все на своем пути. Они убивали любого, кто осмелится им прекословить или сделать замечание за антиобщественное поведение. Мужчин убивают по подозрению в принадлежности к партноменклатуре, убивают за чистый воротничок рубашки, за галстук. Толпа убила молодую женщину просто так; она была привлекательна, но категорически отвергла домогания приставал и отказалась сесть в машину с незнакомыми мужчинами. Стоящую на остановке в ожидании автобуса очередь расстреляли из окна автомашины также ради спортивного интереса, потому что знают, что никто с них не спросит.

В это время старики говорят во дворе муфтиата, собравшись на импровизированное собрание: «Нет, не богобоязненный мы народ: единственно, кого мы боимся и к кому мы прислушиваемся, — это железный правитель. Как Сталин. Не стало власти, и нет предела буйству нашего народа. Аллах накажет нас за злодеяния, но

погибнет и много невинных», — предсказывали они.

Грабежи на железных дорогах приняли массовый характер. Духовная чернь рыщет в поисках добычи повсюду — в общественных складах, подвалах магазинов, базах отдыха детей. Чечня в это время превращается в отстойник для криминальных элементов со всей страны. Республика становится центром контрабандной торговли оружием, нефтью, наркотиками, но пути контрабанды пролегают через Россию и не прерываются даже в пору самой жестокой блокады республики. Несомненно, это обстоятельство способствовало усилению социальной и криминальной напряженности в Чечне. Как справедливо отметил А. Попов: «...без наличия криминальных элементов..., без массового выхода вооруженных уголовников на авансцену «национально-освободительной борьбы» и без срастания последней с нелегальной торговлей оружием, нефтепродуктами, «живым товаром» в виде заложников и т.п. не обходится практически ни один из известных... межнациональных конфликтов»⁶.

Говоря о причинах и предпосылках чеченского сепаратизма, мы снова и снова возвращаемся к факторам социально-экономического порядка, ибо считаем, что именно они сыграли наиболее существенную роль в становлении конфликтной ситуации в республике, именно они превратили республику в пороховую бочку. И все-таки, при всей своей значимости, вышеназванные факторы определяют лишь возможность возникновения сепаратизма. Чтобы эта возможность превратилась в действительность необходимо «некое вполне реальное и, как правило, без большого труда обнаруживаемое инспирирующее начало»⁷, если воспользоваться здесь удачным выражением А. Попова, применимым практически ко всем слу-

чаям сепаратистских движений. Таким инспирирующим началом чеченского сепаратизма была антигосударственная, антидержавная деятельность как самого Дудаева, так и того режима, с благословения которого он, генерал, был подготовлен и прислан в республику.

В задачу этого исследования не входит, однако, анализ криминальных аспектов и поиск участников заговора против Чечни и России. Нас интересуют массовидные действия социальных групп людей, направлявшиеся находившимся за кулисами режиссером; эти действия, на наш взгляд, есть результат этнического манипулирования.

Однако и этот фактор не является последним условием сепаратистского взрыва. Тут нужен еще человеческий материал, этнос с определенной ментальностью, которая позволила бы произвести взрыв, переходящий в большую войну. Речь идет о духе, характере народа, но об этом разговор особый. С этой точки зрения, перечисленные выше факторы — это только предпосылки — и объективные и субъективные — которые используются заинтересованными силами в конкретных политических целях. Сепаратизм только тогда переходит в яростную истребительную войну, когда имеется в наличии достаточное количество люмпенизированных, нередко — маргинальных по происхождению и субкультуре молодых людей, готовых на любые злодеяния, если за это хорошо заплатят, способных поживиться на разграблении народного достояния и имущества не только граждан иноэтнического происхождения, но и самого коренного населения.

Однако большая война могла состояться только в том случае, если духовная чернь обладала взрывным темпераментом, способностью на дерзкие, отчаянные, граничащие с безрассудством шаги, на кровопролитие собствен-

ного народа. За свои военные подвиги многие из них получали большие деньги от зарубежных центров и некоторых отечественных олигархов, добивавшихся развала государства. То, что при этом гибли страна, народ — в расчет не принималось; комбатанты войны — это существа без морали.

Интерес правящего режима и закулисных заказчиков, инспираторов войны состоял в том, чтобы развалить СССР, а затем и Россию, перевести острейшее социальное напряжение, возникающее в результате невиданного в истории разграбления страны и перекачки народного достояния за рубеж, на ложные цели. Задача заключалась в том, чтобы отвлечь внимание оболваненного, запуганного и ограбленного обывателя от истинных виновников трагедии страны. Не исключено также, что война должна была решить задачу резкого сокращения чеченского населения, и прямого или косвенного захвата нефтяных месторождений.

Таковы некоторые важнейшие причины чеченского сепаратизма. В весьма глубокой по содержанию и обстоятельной статье А. Попова, посвященной этой теме, вся совокупность причин, порождающих любой межнациональный конфликт (МНК), сведена в три группы, складывающиеся в определенные концепции, используемые для обоснования сепаратизма.

Первую, «концепцию культурной (цивилизационной) несовместимости» Хантингтона мы не будем рассматривать, т.к. на примере чеченской драмы она не подтверждается ни с какой стороны. Как не подтверждается, кстати, и утверждение об извечной вражде русских и чеченцев.

Указания на тянущиеся из глубины веков фобии все-таки мало что разъясняют, и такой подход лежит вне пределов научного познания. Да, в межэтнических конфликтах немало иррацио-

нального; даже будучи запущены по чьей-то недоброй воле, они выходят из-под контроля и становятся неуправляемыми и непредсказуемыми с точки зрения разума. Впрочем, к этой теме мы еще вернемся в отдельном разделе. А вот на концепции «национально-освободительной борьбы», пытающейся вывести право на сепаратизм из имперской сущности российского государства и соединить преемственной связью национально-освободительную войну за независимость прошлого века и нынешнюю грязную «коммерческую» войну сепаратистов, мы остановимся несколько подробнее.

Исследователи, поддерживающие эту концепцию, причины, истоки современных этноконфликтных ситуаций в постсоветском мире объясняют как неизбежное следствие имперской политики царской России и Советского Союза. Они объясняют кризисные явления в межнациональных отношениях сохранившейся в сознании «малых» народов протестующей памятью о прошлых притеснениях и унижениях.

Надо отметить, что сама тема взаимных жестокостей и обид прошлого довольно долгое время была под запретом. Как, кстати, и факты необоснованных репрессий советского периода. Всей правды о них сказано не было, и это еще больше усиливало интерес общественности, как и всякое запретное. Этим-то и воспользовались хулителю страны, выбросив через захваченные ими СМИ информацию огромной разрушительной силы. Без преувеличения можно сказать: эффект, произведенный выбросом такой очернительной информации, был равен по силе воздействия на общественное мнение взрыву огромной бомбы. Ошеломило не столько само содержание обнародованных фактов, многим людям они были известны и прежде. Но именно форма подачи этого материала

через СМИ — форма нарочито крикливая, псевдосенсационная, откровенно злопыхательская, пытающаяся очернить всю историю страны, ее культуру, ее великих героев и подвижников, что вызвало у многих растерянность, смятение, страх, разочарование.

Точно так и с «протестующей» памятью о прошлых притеснениях и национальных обидах. Как уже говорилось, придворные историки Дудаева попытались раздвинуть рамки национально-освободительной войны до 400 лет, и вся история этих столетий сводилась только к перманентной национально-освободительной войне. Такая попытка была отвергнута многими объективными историками как совершенно произвольная и не опирающаяся на какие-либо серьезные исторические факты. Это — во-первых. А во-вторых, и это самое главное, память о прошлых войнах и жестокостях с обеих сторон хотя и жива в историческом сознании народа, но никогда она не подвигала простых людей к русофобии и ненависти к России, как это пытаются доказать сепаратисты.

Тем не менее, появившаяся в тот период информация по истории Чечни и российско-чеченских отношений, искажающая правду, непомерно раздувающая эпизоды насилий и несправедливостей, делала свое разрушительное дело. Механизм действия этих протестных настроений можно сравнить с сорвавшейся пружиной. Ущемленная историческая память, протестные настроения народов «национальных окраин», сама информация об обидах прошлого в зародыше подавлялись в сталинско-брежневские времена с помощью репрессий. А когда государство ослабло, произошел обвал, в виде всепокрушающего выброса отрицательной энергии протестующей памяти, требующей «восстановления исторической справедливости».

Демократы в Центре и дудаевское окружение срывали аплодисменты и набирали популярность, обнаруживая все новые «сенсации», пока не проворовались и не дискредитировали себя полностью; а пружина, выпущенная тогда, и по сию пору продолжает разрушительную работу, сея смерть, ненависть, преумножая подозрительность в межнациональных отношениях.

Сторонники «концепции национально-освободительной войны» в объяснении причин чеченского сепаратизма выстраивают в ряд и эпизоды прошлых войн и геноцид 1944 года — поголовное выселение в Казахстан и Среднюю Азию, и притеснения после возвращения из ссылки, когда многие вынуждены были либо выкупать свои собственные дома у новых владельцев, либо проживать во дворах своих домов в палатках или землянках. Вдобавок общественное сознание до предела накалялось рассуждениями о культурном и экономическом засилии иноэтнического элемента в республике, воспоминаниями о том, что людей коренных национальностей в прошлом ограничивали в получении образования, в трудоустройстве, а результат — требования восстановления «исторической справедливости».

Но на поверку оказывается, что восстановление «исторической справедливости» сводится к тому, что национал-карьеристы, предводители сепаратизма захватывают национальное достояние и главный его продукт — нефть. Они получают за разжигание межнациональной ненависти и войны колоссальные суммы и из-за рубежа, и от российских олигархов. Они строят роскошные замки, собираясь жить в них вечно. Народ видит это и понимает, что «историческая справедливость» это ложь, «обманка», что за богатства «вождей» он вынужден платить жизнями своих детей. И жалеет русских

солдат, новобранцев, которые пришли воевать не по своей воле, в отличие от контрактников. Народ требует взорвать дворец Басаева, над многими командирами тяготеет кошмар кровной мести, объявленной родственниками погибших в этой войне чеченских ребят.

В Чечне были насилия по отношению к иноэтническому населению и в первую очередь по отношению к русским. Но все эти насилия совершались криминальными элементами, уголовниками, выпущенными из тюрем и колоний всеми правителями, начиная с Дудаева. А сколько было примеров взаимной помощи, спасения друг друга и русскими и чеченцами, как от чеченского криминалитета, так и от российских наемников, об этом сепаратисты не говорят.

Они пытались доказать, что после всех насилий со стороны России, чеченцы не могут находиться с русскими в одном государстве; сепаратисты убили сотни чеченцев за приверженность к России. И все-таки, массовой ненависти, ослепления народа на почве межнациональной розни сепаратисты так и не добились, потому что в самом чеченском народе нет и не было ненависти к России.

Требование восстановления «исторической справедливости» не конструктивно еще и по той причине, что ни в одной цивилизованной правовой системе мира не предусмотрена ответственность по принципу межпоколенной круговой поруки. Даже дети не привлекаются к ответственности за деяния отцов. Требование восстановления «исторической справедливости» означает по существу требование наказания безвинных: изгнание их из жилищ, выдавливание с работы, изгнание с мест, где покоятся могилы их предков.

Концепцией перманентной национально-освободительной борьбы против России и требованием справедли-

вого возмездия и восстановления исторической справедливости сепаратисты как бы санкционировали любые насильственные действия против некоренного населения. И, как ни странно, сепаратисты находили понимание и поддержку этой позиции у части российских демократов, либерально-демократической фронды, депутатов Государственной думы и даже некоторых правозащитников.

Возвращаясь к концепции «национально-освободительной борьбы», необходимо отметить, что при всей своей внешней правдоподобности она, как справедливо замечает А. Попов, не столько объясняет причины межэтнических конфликтов, сколько работает на оправдание одной из конфликтующих сторон. Это, в свою очередь, позволяет заинтересованным силам любые этнически окрашенные действия, направленные против официальных властей, независимо от последующих за ними жестокостей и кровопролитий, представлять как благородную борьбу за «правое дело», восстановление исторической справедливости⁸.

Не отрицая и не оправдывая весь негатив национальной политики царской России и Советского Союза было бы неправомерно пытаться искать причины постсоветских межнациональных конфликтов преимущественно в «обидах прошлого». Действительно, в многовековой истории народов бывшей царской России, а потом и Советского Союза было немало трагических фактов, казалось бы, способствующих формированию устойчивой протестующей памяти о былых притеснениях и унижениях: о насильственной колонизации «национальных окраин» Российской империей, о чудовищных депортациях «неблагонадежных народов», об унижительном положении «младшего брата», о тяжести доли брата «старшего», помогающего

и содержащего себе в ущерб всех остальных.

Все так. В истории любого народа были свои проблемы и взаимные обиды, а нередко и кровь. Но чудовищной депортации подвергались не только чеченцы, ингуши, но и их соседи калмыки, балкарцы, карачаевцы, однако пожар межнационального вооруженного конфликта запыхал в Чечне. Почему при всех шероховатостях отношений между многими народами бывшего Советского Союза межнациональные недоразумения и конфликты перешли в форму вооруженной борьбы именно в Карабахе, Абхазии, Чечне, а соседние с ними регионы относительно благополучны? Где тот пусковой механизм во всей цепи причинно-следственных связей, ведущих к войне?

Видимо, все-таки правы те исследователи, которые полагают, что при всей неоспоримой конфликтогенной значимости факторов этнопсихологического, социально-экономического, политико-исторического порядка, пожар межэтнической войны возникает там и тогда, где и когда находятся люди, так называемые порой «этнические предприниматели»⁹, которые, преследуя свои грязные цели, корыстные интересы, работают на обострение и взрыв этнической ситуации в регионе. Эти «этнические деятели» имеют реальную возможность влиять на ситуацию. Там же, где такие заинтересованные силы не находятся или же они не располагают необходимыми на то ресурсами, «хорошего» межнационального пожара не получается. Так считают концепции «этнического манипулирования». Концепция эта сегодня еще не получила должного распространения. Но на наш взгляд, она бесспорно имеет право на существование.

*МНИМЫЕ И РЕАЛЬНЫЕ
ПРЕДПОСЫЛКИ И УСЛОВИЯ
СЕПАРАТИЗМА*

Стремление к отделению возникает только с достижением страной определенной политической зрелости, развитости: экономической, культурной, политической. Только в этом случае формируется политически активное ядро, способное выразить в соответствующих понятиях идею национального самоутверждения, противопоставления данного этноса государство-образующей нации. Межэтническое напряжение какое-то время ищет адекватной формы выражения идей национального противостояния, национального самосознания в категориях и образах, понятных и доступных населению. И при этом пытается опереться на традиции собственного государственного существования в прошлом. В этом плане с мотивацией национального противостояния у его предводителей в Прибалтике вроде было все в порядке: у них и до присоединения к СССР была своя государственность, имелись и кадры национальной интеллигенции, способной формулировать идеалы национальной независимости. В других регионах, особенно таких, где формирование национальной интеллигенции стало возможным только после Октября 1917 года, процесс роста национального самосознания происходил в более позднее время, а идеология сепаратизма — намного примитивней и эклектичней, как это было в Чечне.

Надо признать, однако, что само по себе наличие слоя грамотных людей, духовной элиты, в прикладном смысле этого слова, слоя интеллектуалов не является фактором непереносимости национализма в сепаратизм. Тут еще требуется действительная (иногда и мнимая) ущемленность

культурных, языковых и иных интересов компактно проживающего этноса. Только в этом случае интеллигенция получает возможность обобщать и выражать в доступных народу понятиях и образах недовольство людей национальной несправедливостью, возможность формировать осознанное единство участников протестных движений, формулировать лозунги, программы таких движений.

Я хочу особо оговорить следующее обстоятельство. Вышеназванные предпосылки, условия, причины сепаратизма создают более или менее благоприятную почву для сепаратизма, он возникает не на пустом месте. Сама же эта почва создается как мнимой, так и реальной ущемленностью изначально этнических прав, скажем, в экономике, культуре, образовании. При наличии доброй воли и политической мудрости возникающие на этнической почве коллизии могут решаться мирным, ненасильственным способом. А при неконструктивном, злонамеренном подходе можно «разогреть» память, например, о мнимых национальных обидах прошлого настолько, что наступит массовое умопомрачение и дело дойдет до войны.

В свете изложенного здесь остановимся несколько более подробно на некоторых общекультурных принципах формирования чеченского сепаратизма. Нерешенные проблемы национально-культурного и языкового самоопределения чеченцев накапливались годами. Обучения на родном языке после начальной школы по существу не было, время, отводимое вещанию на чеченском языке на радио и ТВ, было ничтожно мало даже по сравнению с соседними автономными республиками.

С самого начала восстановления республики в 1957 году всякое напоминание властям о национальной компоненте в образовании, о придании

республике национального колорита, хотя бы через названия городов, сел, улиц, площадей, через возвращение им тех исторических названий, которые они имели до депортации 1944 года, не воспринималось и даже осуждалось как проявление буржуазного национализма. Разумеется, это не был национализм.

Немногочисленные студенты чеченской национальности местных ВУЗов и техникумов тех лет с горечью вспоминают даже и теперь, с какой опаской общались они на родном языке. Любой преподаватель или даже лаборант мог их одернуть и сделать замечание за общение на родном языке. И в 50-е и 60-е годы поступление для чеченских ребят в высшие учебные заведения г. Грозного было крайне затруднено. Отделения с обучением на родном языке в республиканском университете были открыты только в конце 80-х годов.

В нефтяном институте учились буквально считанные единицы чеченцев и ингушей, количество преподавателей этих национальностей можно было сосчитать по пальцам одной руки. Уже много позже, в 70-80-е годы, за одно только обращение на различных собраниях и конференциях к теме увековечивания памяти выдающихся общественных деятелей из чеченцев через открытие мемориальных досок в домах, где они жили или работали, интеллигенцию клеймили и даже увольняли с работы по мотивации буржуазного национализма. В других регионах страны чеченцам и ингушам было намного легче получить высшее и специальное образование; однако, возвращаясь в республику после получения специальности, они почти никогда не могли найти работу — им под всяческими предлогами отказывали в трудоустройстве. В нефтяном деле, составляющем основу народного хозяйства республи-

ки, специалистов коренной национальности почти не было. Те немногие молодые специалисты, которым удавалось окончить Грозненский нефтяной институт, отправлялись в Сибирь, Татарстан, Казахстан по разнарядке. В целом, формирование национальной прослойки интеллигенции, замена кадров интеллигенции, уходившей на заслуженный отдых и состоявшей в основном из русскоязычной части населения, новыми кадрами, этот, казалось бы, естественный процесс проходил нелегко, и сложилась эта ситуация не по вине русских.

Не лучшим образом складывалась ситуация в кадровой политике в правоохранительных органах. В руководящем составе специалистов чеченской национальности почти не было; совершенно иная картина была в соседних автономных республиках. Это воспринималось общественным мнением как проявление недоверия к чеченцам, только недавно вернувшимся из ссылки.

Психической травме, причиненной чудовищным геноцидом 1944 г., не давали даже зарубцеваться. Многими осознавалась настоятельная необходимость признания центральной властью необоснованности поголовного выселения чеченцев в 1944 г. и принятия специального закона о реабилитации репрессированных народов. Как незаслуженное и не спровоцированное оскорбление, восприняли чеченцы и ингуши заявление тогдашнего партийного деятеля Соломенцева о том, что горцы не должны забывать, что они только помилованы советской властью, но не реабилитированы. Принятие закона о реабилитации в таких условиях имело важное политическое и нравственное значение. Но оно, к сожалению, затягивалось на десятилетия. Для ингушской части населения положение усугублялось невозвраще-

нием Пригородного района и части г. Владикавказа, ранее, до 1944 года, входивших в Чечено-Ингушетию. Кстати, эта проблема не разрешена и по сию пору. Словом, духовная ситуация в республике складывалась не простая.

И все-таки, по прошествии многих лет, анализируя эти процессы, я прихожу к выводу, что многих эксцессов можно было бы избежать, если бы проводилась продуманная кадровая политика, если бы достало тогда руководству республики и опыта, и мудрости, чтобы пустить эти естественные процессы по регулированному руслу. Этого, к сожалению, не произошло, и дальнейшие события развивались по худшему варианту. Не будет преувеличением сказать, что одним из обстоятельств, глубоко травмировавших национальное сознание чеченцев, стала для этой республики концепция так называемого добровольного присоединения Чечни к России, подготовленная и широко разрекламированная местным историком Б.В. Виноградовым еще в начале 80-х годов.

И к материальной, и к духовной скудости народ пытался адаптироваться. Но вот когда его попытались унижить заведомой ложью, беспардонной, глубоко оскорбительной, будто чеченцы присоединились к России добровольно — этого стерпеть народу было невыносимо. И отнюдь не потому, что здесь были распространены националистические или сепаратистские настроения — нет; общественное сознание не могло смириться с тем, что многолетняя эпопея борьбы с царизмом была объявлена антинародной и что целые поколения гибли в этой борьбе, одурманенные религиозным фанатизмом и невежеством. Вред делу взаимного доверия народов, причиненный концепцией добровольного вхождения Чечни в Россию, неоспорим и огромен.

Справедливости ради надо отметить, что научная несостоятельность концепции и политический вред ее были доказаны еще за несколько лет до войны. Было проведено несколько всесоюзных научных конференций на эту тему, опубликованы были весьма интересные работы. Но оскорбление, нанесенное неоднократно подвергавшемуся геноциду чеченскому народу оставило после себя долгий и неприятный след.

Потом начался период суверенизации, направляемой из Центра, из Москвы. 12 июля 1990 г. Первый съезд народных депутатов РСФСР принял Декларацию о государственном суверенитете РСФСР. 27 ноября 1990 г. сессия Верховного Совета ЧИР приняла Декларацию о государственном суверенитете Чечено-Ингушской республики. По стране прокатился парад суверенитетов.

Разумеется, нерешенные проблемы накапливались десятилетиями. Но есть один факт, который несколько противоречит всему вышеизложенному и который до сих пор не получил удовлетворительного объяснения. Накануне катастрофы, в самом конце 80-х и начале 90-х годов, произошло вдруг заметное движение к улучшению общей ситуации в республике. Уходящая в прошлое советская власть послала как будто прощальный привет народу, в коем всегда неистребимо жила жажда социальной справедливости. Именно в конце 80-х годов к руководству Чечено-Ингушской республикой пришли энергичные и квалифицированные специалисты, хорошо знавшие проблемы экономического, социального, культурного развития, требовавшие безотлагательного решения. В 1989 г. была запланирована самая большая за все годы советской власти программа привлечения трудоспособного населения к общественно-полезному труду. С цен-

тральными министерствами и ведомствами была достигнута договоренность о развертывании в республике программы создания трудоемких производств: были даже изысканы помещения под производственные цеха для конвейеров по сбору сравнительно несложных изделий электронной промышленности. В республике на подрядной основе развертывалось строительство целого комплекса производственных зданий, жилых домов, что позволило сразу же предоставить работу нескольким тысячам рабочих самых разных строительных специальностей. В местном университете открылись новые факультеты по подготовке кадров для вновь открывающихся производств, а также юристов, врачей, недостаток в которых очень остро ощущался в прежние годы. Был развернут оснащенный самым современным оборудованием Медицинский диагностический центр — под него отводилось здание бывшего Областного комитета партии.

В тот недолгий период был пересмотрен целый ряд решений пленумов Обкома партии по культуре и образованию; ученым были принесены извинения за необъективные оценки их научных и литературных трудов. В названиях знаковых в культурном отношении объектов — аэропортов, площадей, научных учреждений Чечено-Ингушская республика цивилизованным путем приобретала национальное лицо; была полностью отменена цензура. Только за 2,5 года перед катастрофой 1991 года — свержением законной власти Верховного Совета республики — было построено или начато строительство 211 мечетей.

Теперь по прошествии почти десяти

лет после катастрофы 1991 года становится все более очевидным, что в тот период Чечено-Ингушская республика имела реальную возможность решить все накопившиеся проблемы социального и национального развития мирным путем. И она начала их решать успешно. Но такое развитие событий не входило в планы тех, кто пришел к власти в Центре, и кто планировал перемалывание чеченского народа в жерновах преступной братоубийственной войны, чтобы под пушечный гром продолжать грабить Россию, использовать чеченскую войну в качестве аккомпанемента любому обострению политической ситуации в России. Выборы двух российских президентов оплачены чеченской кровью.

Чеченские сепаратисты всячески способствовали этому, получая огромное финансовое вливание и оружие, как из-за рубежа, так и из самой России. Вина сепаратистов огромна и едва ли подлежит прощению или исковой давности. Но при этом они были и остаются жадными и жалкими игрушками в руках тех сил, которые надеются установить новый порядок в мире. Для доказательства сказанного достаточно вспомнить впечатляющий кадр из фильма «Джохар», в котором министр пропаганды Удугов торгуется со своим благодетелем Березовским, выпрашивая бóльшую сумму за свои, иудины, услуги в этой кровавой войне и укоряет того, что Грозный бомбят вопреки их договоренности.

Теперь глаза раскрываются у всех и всем надо запомнить: на каждом долларе, полученном и российскими олигархами, и чеченскими сепаратистами, след крови чеченского народа, которого такой дорогой ценой заставили платить за разграбление и развал страны.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СЕПАРАТИЗМА

ЭКЛЕКТИКА СЕПАРАТИЗМА

Сепаратизм как идеологическое явление крайне эклектичен, он не содержит ни одной логически выдержанной идеи. Сепаратизм не концептуален и бесплоден, ибо не дает решения каких-то назревших проблем, он только загоняет их вглубь. Как не возможно теоретически обосновать радикальный национализм в виде совокупности рациональных идей, призванных доказать превосходство одного народа над другим, так невозможно выстроить последовательную, логически доказуемую идеологию сепаратизма, ибо последний представляет собой переходящий через разумную грань национализм. Поэтому правомерно будет вести речь о некоем конгломерате, мозаике идей, мифологем, мыслей, образов и стереотипов обыденного сознания, предрассудков, а так же настроений, суждений личного пристрастия, составляющих эту пеструю экзотическую, но отнюдь не безобидную теоретическую смесь.

Применительно к идеологии украинского сепаратизма историк Н.И. Ульянов вполне обоснованно отметил: «Идеологией это назвать трудно по причине полного отсутствия того, что подходило бы под такое понятие; скорее это... психология, комплекс настроений, созданных пропагандой. Складывался он постепенно в практике борьбы за власть и за богатства страны. Практика была низменная, требовавшая сокрытия истинных целей и вожделений, надо было маскировать их и добиваться своих целей под другими ложными предложениями, мутить воду, распускать слухи, клевету, измышления, подделки...»¹⁰.

Это наблюдение один к одному можно было бы перенести на чеченский сепаратизм. Соответственно и люди, исповедовавшие и распространявшие эту пеструю смесь идей, образов, предрассудков, настроений в такой же мере были непоследовательны, непредсказуемы в своих политических пристрастиях и действиях, как и в той жалкой демагогической словесной эквилибристике, в которой они постоянно упражнялись. Поэтому вполне обоснованно будет рассматривать идеи сепаратизма в тесной связи с теми персонами, которые их исповедовали и пытались навязать населению.

Известно, что многим социально-политическим и национальным движениям, как правило, предшествует идеологическая прелюдия. Скажем, французской и американской революциям предшествовали «революции в умах», т.е. духовный переворот, получивший название просвещение. Но вот наблюдение историка Н.И. Ульянова над украинским сепаратизмом: «Схема развития всякого сепаратизма такова: сначала пробуждается национальное чувство, потом оно растет и крепнет, пока не приводит к мысли об отделении от прежнего государства и создании нового государства. На Украине этот цикл совершается в обратном направлении: сначала обнаруживается стремление к отделению и лишь потом создается идейная основа, как оправдание такого стремления»¹¹.

По мнению Н.И. Ульянова, в своих истоках стремление к отделению и образованию самостоятельного государства не было на Украине ни народным, ни национальным. Для того, чтобы сепаратизм обрел эти признаки, надо было попытаться доказать, что

украинцы — не русские, а, возможно, и не славяне вообще. Казаху или узбеку, к примеру, нет необходимости доказывать свое этническое отличие от русских — это самоочевидность. Украинскому сепаратизму, чтобы стать массовым национальным движением, необходимо обосновать существенное отличие украинцев от русских, попытаться найти совершенно иные этнические и даже генетические корни у украинцев. Отсюда эти бесчисленные попытки производить родословные украинцев от тех или иных древних народов, только не от славян. Не берусь судить, насколько обоснованы приведенные суждения по существу; я только воспроизвожу точку зрения цитируемого автора.

Для нас важно отметить следующее: сепаратизм в различных регионах может разительно отличаться по ряду существенных характеристик. С этой точки зрения, одна из особенностей чеченского сепаратизма состоит в том, что при своем возникновении он не имел идеологической прелюдии в виде сколько-нибудь развитого, оформившегося комплекса идей национализма, но проповедь и попытка оформления их в программу были произведены самими зачинателями чеченского сепаратизма. Такие ключевые понятия этой идеологии, как *нохчичо*, что означает внутренняя Чечня, замкнутая в себе, Чечня только для чеченцев, и, вместе с тем, означающая чеченский дух. Впервые, как идеологема, это понятие возникло на первом Общенациональном съезде с участием Дудаева и Яндарбиева. Именно в этот период была образована и первая собственно чеченская партия Яндарбиева — Вайнахская демократическая партия. С этого момента начался нарциссизм, превозношение себя, своей истории до небес, самолюбование; и занялись этим именно сепаратисты. Не обнаружив,

вопреки ожиданиям, националистических настроений среди самих чеченцев, лидеры сепаратизма начали самую безнравственную преступную кампанию по стравливанию людей различных национальностей и даже наглых оскорблений русскоязычной части населения республики.

Посмотрим, как конкретно разворачивались события. В 1991 году чаша весов морального сознания общества склонялась в Чечне на сторону демократии. ГКЧП осуждалось как попытка движения вспять, попытка возвращения к старому. Верховный Совет ЧИ АССР и возглавлявший его Д. Завгаев осуждались за недоказанную поддержку ГКЧП. В день выступления ГКЧП Завгаев был в Москве, и слухи о возможной поддержке им «заговорщиков» стали тотчас усиленно распространяться в республике по хорошо отлаженному к тому времени каналу взаимной поддержки московских демократов и чеченских сепаратистов. Вскоре ГКЧП был объявлен вне закона, и это стало самой серьезной поддержкой для национал-карьеристов в Чечне. Яндарбиев изгалялся в СМИ, утверждая, что раз в Центре произведена попытка реставрации старого режима, а Завгаев поддержал эту попытку, то Чечня вправе бороться за демократию уже в собственном независимом государстве, к созданию которого следует приступить незамедлительно. Такой поворот встретил поддержку и понимание российских демократов, судя по тому, как зачастили они в республику, всячески демонстрируя поддержку сепаратистам. И тут шли в ход любые аргументы, все годилось для разжигания ненависти к русскоязычным: неустанно распаляли и без того встревоженное сознание народа напоминанием обид прошлой истории, расписыванием различных эпизодов кавказских войн, насильственных

выселений в Турцию, геноцид 1944 года. Проводились собрания, шествия, встречи; частыми гостями были на них московские и прибалтийские неформалы. Так все начиналось.

*ПРЕДВОДИТЕЛИ:
МИФЫ И РЕАЛЬНОСТЬ*

Уже с первых дней официальная пропаганда героизировала и романтизировала своих лидеров, несмотря даже на то, что многие из них в недавнем прошлом запятнали себя стукачеством или имели по несколько судимостей. Их портреты красовались в витринах магазинов, в окошках кассиров, на стеклах автомашин. Поздороваться с ними, пожать им руку считалось за честь. Под портретами, да и просто на заборах, на стенах домов, повсюду появлялись надписи типа «Джохар — мы с тобой», «Джохар — это сила и совесть народа». Это имя давали новорожденным, о нем начали слагать стишки, его словечки передавали из уст в уста, все восхищались его примитивными унтер-офицерскими шутками, чуждым народному юмору, мудрому и глубоко этичному.

Его сторонники, молодые мужчины украшают грудь значками с его портретом, отпускают бороды и длинные волосы, перехватывая их на лбу цветными лентами, расписанными арабской вязью. Денно и ночью красуются новые вожди на телеэкранах, а их амбициозные заявления тиражируются средствами информации, как в Чечне, так и в Центре. Они чувствуют себя победителями, и горе — побежденным. Сепаратисты ищут выхода своей ненависти в бессмысленных погромах и актах вандализма. Разрушаются памятники города. Смутное, безотрадное, страшное время. В сомнамбулическом

сне кружащийся человеческий хоровод в театре абсурда.

Между прочим, генерал Дудаев, вопреки льстивой, угоднической мифологии, не был воплощением чеченской ментальности. Он уехал из Чечни в юности и вернулся перед пенсией. Он, несомненно, обладал истероидным складом психики и мог довольно долгое время воздействовать на эмоции людей, особенно, когда они сбивались в большие митинговые толпы. С полным основанием можно сказать, что он имел незаурядные способности демагога и манипулятора. При вхождении во власть он сулил народу золотые горы не в фигуральном, но в буквальном смысле. В чеченском варианте это были золотые краники, из которых непрерывно течет верблюжье молоко. Таково дословное изложение перспектив чеченского суверенитета, которое неоднократно слышало население республики из уст новоявленного президента.

Однажды в знойный августовский день 1991 года, когда весь город изнывал от духоты, генерал явился на встречу со старейшинами с только что вынутым, должно быть, из холодильника графином воды, если судить по его запотевшим бокам. Подняв графин натренированным цирковым движением, он вытащил пробку и, кося одним глазом на полный зал пожилых людей, у которых уже заходили кадыки от жажды, а иные лизнули запекшиеся губы, медленно, однако шумно расплескивая веер холодных брызг, наполнил граненый стакан и сказал застывшему в молчании залу: «Этот стакан воды стоит 20 центов в Кувейте, а в одном этом графине 10 таких стаканов. Один графин — и два доллара в кармане. Эта вода струится по нашей земле, плещется у нас под ногами, — продолжал он, постепенно понижая голос. Потом вдруг резким почти истеричным тоном добавил, — коммунисты отняли у нас

наши богатства, они разорили нас». Сидевшим в зале людям почти воочию показалось, что именно коммунисты виноваты во всем плохом, что происходило на свете. Тут генерал продолжил: «Но мы докажем, что Кувейт — это букварь первоклашки. Наша земля — лучшая в мире и самое многое через один год из золотых кранов в каждом чеченском доме потечет верблюжье молоко». Насчет верблюжьего молока генерал явно дал петуха, так как верблюды в Чечне никогда не водились, и их молоко не входило в рацион питания жителей горной республики. Однако возбужденные таким эффектным выступлением генерала, томимые жаждой люди готовы были пить и верблюжье молоко из солидарности с Дудаевым, так искусно разыгравшим эту сцену. Им уже грезилось золотое сияние краников, центов и шелест долларовых купюр. Мираж, однако, вскоре развеялся, кому-то пришлось подмешивать в пищу комбикорм. Другие погибли под бомбами и артобстрелами, бесследно испарился и генерал-фокусник.

Была ли это сознательная демагогия или в минуты вдохновения генерал сам верил своим выдумкам и увлекал других — едва ли это имеет существенное значение. Демагогия стала нормой общения, она пропитала не только политику, но и саму жизнь. Возможно, имеет значение и вопрос о том, из каких побуждений исходил тот или иной манипулятор народным сознанием, но еще более важно то, к каким результатам привели манипуляции судьбами народа. Но и с этой точки зрения невольно приходишь к выводу, что обман был сознательный, злонамеренный, циничный. Автор этих строк постоянно и неотлучно находился в республике все эти горькие, страшные годы, имея возможность наблюдать почти все, о чем пишется здесь, во-

очию, в повседневной жизни, ежедневно и ежеминутно. Цинично, сознательно разжигалась межнациональная рознь. Технология этого манипулирования была грубой и примитивной, рассчитанной на первобытные инстинкты. У меня сложилось убеждение, что вожди сепаратизма пытались вывести наружу, актуализировать такие внутренние импульсы этнофобии, о существовании которых в себе многие люди как бы и не догадывались в относительно спокойное, мирное время. Они пытались пробудить в людях чувство возмущения и потребность мести за некие прошлые обиды, нанесенные не им лично, но якобы их предкам; причем делалось это в нарочитой, заостренной форме, грубо и, возможно, именно по этой причине сепаратисты не всегда достигали цели.

Публично высказывалось, например, обвинение, что русскоязычная интеллигенция специально затрудняла чеченцам получение образования, держала их в темноте и невежестве, чтобы легче было их эксплуатировать. Причем предполагалось, что все чеченцы априорно согласны с этим утверждением; если же они не имеют претензий к русскоязычным специалистам, сослуживцам, просто соседям, то такие чеченцы вовсе лишены патриотического чувства, они переметнулись или даже продались России, и им грозили свернуть голову в сторону России и оставить в таком положении.

Уже будучи президентом приехал генерал на встречу с профессорско-преподавательским составом Нефтяного института, бывшего в советские времена одним из самых лучших в стране. Профессор, старейший сотрудник этого учебного заведения, посетовал, когда ему предоставили слово, что ценнейшее оборудование института расхищается, вывозится за пределы республики, что высококвалифициро-

ванные преподаватели, лишенные зарплаты, покидают Грозный. Дудаев буквально взорвался: он затопал ногами, кричал, он брызгал слюной, на губах появилась пена: «Езжайте в Россию, к своим. Здесь вам не место. Ваши предки угнетали чеченцев, а теперь вы должны заплатить должок. Твое счастье, что ты старый, скажи спасибо, если ноги унесешь». Затем он вдруг повеселел и добавил неожиданно ослабившись: «Айда, Ваня». Профессор, старый, согнувшийся под грузом лет человек, вдруг как-то весь съежился, плечи и голова его опустились еще ниже, и он пошел восвояси, ни на кого не глядя и, должно быть, никого не видя.

Мне рассказывали представители чеченской национальности, присутствовавшие на этой встрече генерала с преподавателями, какое жгучее чувство стыда они пережили в те мгновения, ставши невольными свидетелями этой мерзкой сцены, недостойной не только генерала, президента, но и просто элементарно порядочного человека. Они не могли понять, как может генерал, женатый на русской женщине, имеющий от нее взрослых детей, так низко пасть, чтобы оскорблять национальность матери своих детей. Правда, некоторые утверждали, что жена у генерала — не русская. Впрочем, кем бы ни была жена, все равно генерал не имел права вести себя так недостойно.

Да, национализм стали насаждать с самого верха: прежде такая сцена была абсолютно невозможна в республике. Это не в традициях горского этикета, который предписывает быть особенно вежливым и предупредительным в общении с людьми другой национальности. Тем более — со стариками. Надо сказать, что в массе людей всегда находятся такие, которые обладают достаточной проницательностью, чтобы понять, с кем они имеют дело; и генерала тоже поняли.

Уместным будет отметить здесь, что чеченцам в целом никогда — ни в прошлой своей истории, ни в новой не была присуща неприязнь к другим народам. Еще когда чеченские племена не сложились в нацию, они вобрали в себя большое количество этнических групп и отдельных представителей тех народов, которые проходили по Предкавказью, начиная с эпохи великого переселения народов. После каждой новой волны завоевателей, уходившей далее на запад, в Европу, здесь оставались значительные группы, которые постепенно ассимилировались чеченцами. Так, до сих пор различают тейпы, ведущие свое происхождение от алан, калмыков, кумыков, ногайцев, турок, хевсур; позднее, накануне и в период кавказских войн, были ассимилированы значительные группы русских, поляков.

Собственно и нация еще не сложилась в тот период, а уж национализма или национальной спеси и в помине не было. Более того, чеченские племена с явной уважительностью относились к тем этносам, с которыми приходили в соприкосновение, и даже детей своих называли именами этносов или даже именами военачальников, которые воевали против горцев, отдавая дань уважения личному мужеству и человеческому благородству таких людей. Чеченские фамилии Слипцовы (в чеченской транскрипции — Сипсовы), Паскачевы соответствуют фамилиям русских военачальников генерала Слепцова и заместника Паскачева. Еще есть фамилии Карташевы, Бугаевы, Богатыревы, а так же имена Турко, Гумки, Ноги по именам народов соответственно турки, кумыки, ногайцы, с которыми жили бок о бок.

Правда, на бытовом уровне в местах соприкосновения с соседями возникали взаимные обиды и предвзятости, приобретающие характер устойчивых

предрассудков, но где ж без этого существуют соседи. Зато вся история народов Кавказа не припомнит случаев захватнических войн, да и просто серьезных военных столкновений между соседними народами. Русского выделяли из казаков; с последними воевали, хотя и уважали доблесть. Но русский человек всегда был в почете в народном сознании. Нет ничего лучшего на белом свете, чем хороший русский человек, говорили еще совсем недавно. Так что не могла привиться русофобия среди чеченцев.

Помнится еще в 1993 г. депутат недавно разогнанного Дудаевым парламента по имени Салаудди Турпалов, кажется, учитель из Мескер-Юрта, сумевший каким-то образом прорваться на ТВ, буквально криком кричал на всю республику: «Чеченцы! Опомнитесь! Вас ведут в пропасть! Остановитесь пока не поздно! За кем Вы пошли? Дудаев человек без роду и племени, он не только не чеченец, но и не мусульманин! Он не жил в Чечне и не знает не только наших обычаев, но и языка чеченского. Не допускайте, чтобы нас унижали травлей русских братьев».

Впрочем, и немало старейших, уважаемых в республике людей и сын крупного религиозного авторитета 90-летний Илес Арсанов, и широко известный на Ближнем Востоке депутат парламента Иордании Шейх Абдул Баки Джамо увещевали чеченцев, предупреждали о великой народной беде, которую готовили национал-карьеристы. «Остановитесь, честные чеченцы, — говорил последний, — Вы должны хранить все национальности, они созданы Богом, как и мусульмане. Если вы допустите насилия над ними, вы окажетесь в пропасти, вы уже падаете в нее и длинная вам понадобится веревка, чтобы выбраться из нее. И многих братьев, сестер и детей своих не досчитаетесь Вы потом!» Но крысолов

продолжал свое черное дело.

Наблюдая ведущуюся идеологическую пропаганду, наглядную агитацию, повседневное общение людей, невольно возникало ощущение искусственности, деланности всего происходящего. Казалось, что многие догадываются, что все происходящее — это некая игра, о которой заранее условились еще загодя, а теперь делают отчаянные усилия над собой, чтобы выдержать роль до конца и не раскрыть обмана. Именно для этого следовало «пристегнуться», приобщиться к действительной, настоящей истории народа, представить себя продолжателями прошлой истории чеченцев, подвига их славных предков. Это тот случай, когда к прошлому зывают из конъюнктурных соображений, с целью прикрыть свои корыстные политические интересы рассуждениями о том, что они продолжают героические традиции знаменитых предков. Это, однако, — сознательная и кощунственная спекуляция на именах предков, на идеях, которыми предки воодушевлялись. Эта попытка идеологической подмены, попытка перехвата чужих лозунгов была изначально несостоятельной, так как слишком разные это явления: идеология национально-освободительных движений прошлого и дилетантская эклектичная мешанина разрозненных, из различных источников надерганных идей, образов, мифологем, яндарбиевско-удуговской сепаратистской идеологии.

Идеология национально-освободительной войны не могла быть перенесена в совершенно другую эпоху — слишком несопоставимые, несоизмеримые это явления — комплекс идей, воодушевлявших горцев в XIX веке, и демагогический агитпроп Яндарбиева и Удугова, тщетно пытавшихся доказать, что война против России идет уже 400 лет, а сами они являются законными

продолжателями дела имамов. Тем не менее, даже такая грубая, примитивная агитка срабатывала, оживляла в памяти каких-то групп людей психические травмы прошлого. При этом общественное и индивидуально сознание раскалялось настолько, что обиды прошлого воспринимались как сегодняшняя реальность, общественное сознание и психология взвинчивались настолько, что многие люди становились одержимыми. Кстати, уже тогда стало известно, что по ночам над толпами митингующих совершает свои манипуляции местный экстрасенс, фамилию которого я не стану называть, хотя бы потому, что он сам пал от рук тех, над кем совершал манипуляции.

Удуговская пропаганда постоянно подогревала обстановку подозрительности и шпиономании. То одного «диверсанта» поймают, то другого, засланного якобы из Москвы, а средства информации всячески развивали шпиономанию, показывая по ТВ задержанных. Избитые, покалеченные, черные от побоев люди, демонстрировавшиеся по ТВ, были почему-то похожи на хронических алкоголиков и бомжей. Тем не менее, взрывы случались: то подстанцию подорвут, то водозабор. В народе сохранялся упорный слух, что взрывы боевики устраивают сами, чтобы напустить страху, а под шумок побольше украсть у народа нефти, украсть пенсии и пособия у населения.

Постоянно делались напоминания, что истинные романтики революции должны быть готовы к борьбе с Россией, которая собрала войско по всему периметру границ. Об этом, кстати, любил сообщать сам Дудаев, принимая особенно многозначительный вид и намекая каждый раз, что ему известно намного больше свидетельств провокаций российских спецслужб, но он не раскрывает всех карт в интересах безопасности Чечни. Вообще было такое

впечатление, что изготовление и распространение химер страха и подозрительности составляло главную заботу генерала. То сообщит бывало, что ему стало известно о готовящемся отравлении источников воды, то землетрясение предсказывает. Под городом-де расположено захоронение радиоактивных отходов; вследствие движения грунта они переместятся, выйдут наружу, и весь народ погибнет; то на бактериологическое оружие намекает, которым-де решили известить чеченцев.

Не будучи специалистом ни в одной из этих областей, Дудаев пытался, тем не менее, говорить о сейсмологии, геологии, атомной физике, экономике, всегда намекая при этом, что главного он сказать не может, но непременно сделает это, когда наступит час. Может быть, это была попытка вернуть интерес к своей персоне, который неоднократно понижался до нулевой точки. Первый раз это было, когда он, неоднократно обещавший уйти после свержения Верховного Совета ЧИ АССР, объявил вдруг, что будет избираться в президенты. Власть страха над людьми в такое смутное беспокойное время весьма велика, и генерал мастерски играл на этом, выдавая себя за того, кто знает все опасности, угрожающие чеченцам и непременно готов выступить их спасителем. После каждого тревожного сообщения по ТВ, как правило, показывали браво марширующих гвардейцев генерала Дудаева, которых несостоявшийся бард революции, некто Хасик Зипукаев, называл рыцарями свободы.

Казалось, что все происходящее — род массового общественного безумия; люди точно сатанели, погружаясь в сомнамбулический транс. То там, то здесь вновь и вновь начинались радения зикристов, а в центре их, переходя от одного круга пляшущих к другому, высоко подбрасывая свой посох, и

ловя его на лету тряс бородой самозванный дирижер, явно придурковатый человек из Алдов, провозгласивший себя прямым потомком Шейха Мансура. В ясные дни, особенно когда солнце склонялось на запад, над огромной массой митингующих месяцами людей видно было странное фиолетовое марево испарений, исходящих от плотно поевших и разгорячившихся в зикре людей. Все, кто замечал это марево над толпой, смутно догадывались, что это не к добру и быть беде непременно.

Убийства политических противников, даже просто случайных свидетелей грязных дел становились повседневной практикой. Первой жертвой еще в день разгона Верховного Совета республики стал бывший секретарь Грозненского горкома партии, а потом председатель Городского исполкома В. Куценко; за ним среди бела дня были похищены и расстреляны ректор и проректор местного университета. Потом снова ловили и забивали до смерти российских «шпионов». Задерживали и избивали потомков известных в народе религиозных авторитетов, в прошлом руководителей суфийских орденов. Убийства и избиения должны были породить страх, убить всякую волю к сопротивлению режиму. Яндарбиев и бывший музейный работник Хожаев стали примерять на себя славу героев прошлого, а всю историю препариовали таким образом, что она оказывается и существовала единственно для того, чтобы подготовить пришествие Дудаева и, конечно, самих этих господ, «птенцов гнезда» Дудаева.

Уже в самом начале своих подвигов Яндарбиев объявил народу, что столица нового чеченского государства будет перенесена на равнину рядом с его родным селом и станет именоваться Турпал-Кала — город витязей. Судя по тому, с какой легкостью он объявлял о своих проектах по осчастливлению

чеченского народа, он не утруждал себя подсчетами того, во что обойдется народу содержание представительных, исполнительных, судебных органов, целой армии чиновников для чеченского государства, как справится с этим нищенский бюджет, где взять кадры? Что учреждение нового государства и строительство новой столицы — это, несомненно, очень дорогое предприятие, настоящее расточительство скудного народного достояния — об этом никто не задумывался. Не это ли зримое свидетельство пустого прожектерства?

Однако сепаратизм расточает экономику страны не только новыми необоснованными расходами, но и разрывом традиционных экономических, культурных и всяких иных связей, которые складывались веками, нарушение которых неизбежно ведет к изоляции на международной арене, что опять-таки губительно сказывается на экономике. Тем не менее, Яндарбиев считал себя крупным специалистом во многих отраслях знания и практики и обо всем говорил с апломбом, злобным и не терпящим возражений тоном.

То, насколько этот человек при всех его клятвах в любви к народу не знал и не любил народа, не знал и не уважал его мировоззрения, религии, ценностей, быть может, ярче всего отразилось в памятнике, сооруженном, по его настоянию, в центре города еще до войны. Памятник этот состоял из частоты надмогильных камней (чуртов), когда-то стоявших в изголовьях могил, но затем разбросанных по республике в период геноцида 1944 года (что, кстати, также было оскорбительно для народной памяти). Однако Яндарбиев не нашел лучшего применения этим чуртам, как водрузить их в центре города и между ними поместить скульптурную композицию, состоящую из руки с кинжалом, взлетающую из-под

земли и олицетворяющую отмщение.

Во-первых, и по народным, и по мусульманским представлениям, погост запрещено устраивать в центре населенных пунктов. Надмогильные памятники по народным представлениям — это знаковые сакральные символы покойного, их нельзя использовать для утилитарных потребностей, и, особенно в политических целях; тем более недопустимо использовать их для выражения угроз, мести. А самое главное — сооружение погоста в городе, даже если там нет останков, а только надмогильные памятники, по народным представлениям, является святотатством и чревато тяжкими бедами для народа. В республике говорили об этом многие, увещевали бесноватого автора этой сумасбродной затеи. Бесплезно. Это был не просто памятник. Это был призыв к ненависти и к отмщению. Ежедневно и всегда он должен был напоминать чеченцам об обидах прошлого, а некоренное население — утрачивать и предупреждать. Мемориальный памятник должен был стать символом негаснущей и непрощаемой ненависти, межнациональной подозрительности и вражды. И беда приходила на чеченскую землю еще и еще.

Яндарбиев подтвердил высказывавшееся некоторыми исследователями наблюдение, что сепаратисты, как правило, не обременены ни знаниями, ни этикой, а по существу — одержимы навязчивыми идеями. Уровень газетных публикаций и главного политического опуса Яндарбиева «Битва за свободу» ниже всякой критики. Трудно сказать, чего здесь больше: буффонады, демагогии, дилетантства? Обсуждать ее всерьез было бы пустой тратой времени — ни мысли, ни идей, сплошная абракадабра. Общая национальная программа сепаратистов, как она вырисовывается из программы Вайнахской демократической партии Яндар-

биева и из его пухлого опуса, весьма примитивная, убогая; это скорей поджигательные кличи и программные лозунги, рассчитанные на люмпенскую и маргинальную публику. В первую очередь, именно эти группы спланивались и объединялись вокруг сепаратистов. Собственно это была практическая операционализация оболваненной Яндарбиевско-Удуговской пропагандой части населения республики.

Этническое манипулирование проходило через определенные ступени: сначала население доводило до истероидного состояния, актуализируя его неспроясненные инстинкты путем напоминания ему старых национальных обид и ущемлений, а затем раскаленные таким образом общественные страсти операционально подталкивали к определенным шагам, имитируя борьбу за восстановление «исторической справедливости». И, наконец, третий этап — это легитимизация любых насильственных действий протестных групп, совершаемых во имя установления исторической справедливости. Избивали, например, потомков религиозных авторитетов, и это оправдывалось величием цели национального освобождения, против которого якобы выступали потомки; убивали русских «шпионов и диверсантов» — опять во имя все той же возвышенной цели. Потом стали совершать насилия против русскоязычного населения — ничего, дескать, это им история платит отмщением и не смейте заступаться за русских. А чеченцы заступались и спасали многих.

В средствах массовой информации тон задавал министр пропаганды всех времен и народов — Удугов. Беспардонно и нагло захватил он общественное телевидение, учредил новые газеты, такие же лживые, убогие и вместе с тем злобные, как вся удуговская пропаганда. Не берусь судить о журнали-

стских талантах Удугова, но его сближает с Яндарбиевым та же беспардонность суждений и наглое дилетантство. И этот человек, пробавлявшийся до войны изданием листка с программой грозненского телевидения, вдруг обрел огромные средства на покупку телеканалов, издание газет. Но не сами эти богатства нас занимают — пусть его. Главное в другом: за что ему платят? За убийство чеченского народа, вовлеченного его стараниями в братоубийственную войну, в результате которой народ потерял все — города, села, потерял десятки тысяч своих детей. Яндарбиев и Удугов получили миллионы долларов.

Не сходили с телеэкранов не только Удугов, но и его «брательники»: один — врач-психиатр, срочно перекавалифицировавшийся в политолога. Этот на ваххабитские деньги открыл в республике исламские центры и, пользуясь нищетой народа в послевоенной Чечне, завлекал в эти центры подростков предложением бесплатного обучения на компьютере. В средствах ограничений он не имел. Бывший атеист (как про него говорили) сделался вдруг правоверным исламом. Он выступал буквально по всем проблемам политологии, религии, философии, истории, в общем, корифей всех наук. И всегда — ложь, перевираание истории, псевдосенсации, когда общеизвестные факты подаются как самоновейшие открытия бывшего психиатра.

Что Удугов, его «брательники» и иже с ними работали в тесном контакте с внешними силами — в этом ни тогда, ни теперь не было сомнения. Свои сообщения даже во время боевых действий Удугов направлял в Нью-Йорк. Российская официальная пресса, вообще СМИ, работали с Удуговым заодно. Они-то и превозносили до небес бывшего мошенника, скрывшегося с деньгами, собранными с граждан на

сигнализацию квартир, и получившего за это срок. Этому человеку российские СМИ пели настоящие дифирамбы, утверждая, что он один в пропагандистской работе стоит больше, чем целый идеологический отдел ЦК КПСС. Создавалось впечатление, что, несмотря на имитацию перепалки и отдельных споров, Удугов и многие официальные газеты, журналы, каналы ТВ России работают в сговоре, бьют в одну точку, преследуют одну цель — разрушить страну, стравить народы. Война была предreshена. «Комсомольская правда», «Московский комсомолец», «Известия» выходили с клеветническими материалами против чеченцев. «Злой чечен ползет на берег, точит свой кинжал» — так называлась одна передовица «Комсомольской правды». С другой стороны — Дудаев, Яндарбиев, Удугов делали все возможное, чтобы навлечь беду на весь чеченский народ, представить его поголовно диким, злобным, чуждым цивилизации народом. Российские газеты имели основание назвать Удугова хорошим специалистом, он действительно исправно отработывал полученные деньги. Разграбление России шло полным ходом, надо было найти народ, который можно сделать козлом отпущения. Удугов помогал в этом подлом деле ретиво. Одновременно на головы чеченцев накатывалась липкая грязно-пенистая волна лести — они-де и самые свободолюбивые, и самые отважные, одним словом, самые, самые... храбрые, легендарные. Это не была идеализация, это была грубая, примитивная, дурманящая лесть, рассчитанная на то, чтобы опьянить ею и заставить делать то, чего добивался льстец, т.е. заставить воевать и тем погубить себя. Это было откровенное и циничное стравливание народов. Центральная власть не просто искала поддержки на периферии, как заметил один вдумчивый

исследователь, она науськивала народы друг против друга во взаимном сговоре с сепаратистами.

Была пущена в ход и такая злонамеренная клевета, будто Россия эксплуатирует окраины, а русские пользуются большими привилегиями. Дудаев изо дня в день с нескрываемым злорадством повторял, что в прошлом из доходов от реализации нефти и нефтеперегонки в республику возвращалось только 5% прибыли, а 95% присваивалось Центром, хотя позже уже он сам вместе с родственниками откладывал на личные счета миллионы долларов от продажи краденной у народа нефти. Но ведь всем известно, что после революции именно Россия самоотверженно отдавала свои ресурсы ранее отсталым «национальным окраинам», помогая им всем: финансами, кадрами, людскими ресурсами, стараясь выровнять уровень экономического, культурного развития. Это стало одной из причин возникновения такой ситуации, что некоторые, более благополучные до революции, регионы России пришли в совершенное запустение к концу XX в. Да, начиная с 60-х годов, назревала, хотя и медленно, необходимость перераспределения полномочий между Центром и регионами и имелась реальная перспектива разрешения постоянно возникающих в этой области противоречий. Хотя и с запаздыванием, но страна готовилась провести реформы. Сделать это не позволили те самые силы, которые клеветали на народы, подталкивая их одновременно ко взаимной вражде. Они задалась целью разрушить страну. Сейчас, когда анализируешь содержание и методы удуговской пропаганды, спустя почти десятилетие, все более убеждаешься, что за всем, что тогда происходило в республике, стояли многоопытные дирижеры, и вся разрушительная работа совершалась по

некоему весьма продуманному сценарию. Разумеется, речь не шла о пресловутом мировом заговоре, но факт преднамеренного развала и разграбления страны не отрицает ни один здравомыслящий человек.

Весьма непоследовательной, эклектичной, как и сам сепаратизм, была политика в отношении религии. Духовенство вело себя весьма осторожно, особенно накшбендийской ориентации, и своих последователей призывало к осторожности. Оно не только не присоединялось к сепаратистам, но и осуждало их; эта традиция, кстати, идет со времен гражданской войны начала века. Другая часть, напротив, проявляла активность с самого начала. Зикристские радения стали чуть ли не повседневной принадлежностью городов и сел республики. Причем почему-то предпочтение отдавалось публичному исполнению зикра, в то время как накшбендийцы предписывают своим приверженцам тихий зикр без грома и саморекламы. Именно это не устраивало дудаевский режим. Видя, что зикристы, очертя голову, бросились в суверенитетские игры и вышли на улицу, а накшбендийцы сторонятся политики, дудаевцы решили было в условиях приближающейся войны сдвинуть эту часть населения на свою сторону.

Зная, что и прежде накшбендийцы были противниками конфронтации с Россией, дудаевцы начали через СМИ «наезды» на духовные авторитеты этого тариката. В условиях подготовки к войне, которая, безусловно, была предрешена еще в самом начале парада суверенитетов, Дудаев, Яндарбиев, Удугув, Хожаев и послушные им СМИ решили, ссылаясь на некие архивные материалы, попытаться опорочить память духовных светочей народа, глав суфийских общин конца прошлого и начала нынешнего века и их потомков, приписывая им сотрудничество с властями и спецслужбами.

Известно, что многие из шейхов и в особенности Солса Хаджи и Доку Хаджи, всегда сторонившиеся политики и постоянно боровшиеся против превращения Чечни в арену военных действий, всегда были за мирные и взаимовыгодные отношения с Россией. Кстати, это давняя традиция среди суфиев Чечни, берущая начало еще с Кунта Хаджи, хотя последователи основанного им ордена впоследствии были весьма активны во всех политических и военных событиях последующих эпох. Дудаев готовил Чечню к войне и решил на всякий случай прозондировать общественное мнение и по возможности ослабить противников войны. Однако реакция на передачу по ТВ и на соответствующую публикацию в газетах о сотрудничестве накшбендийцев с властями была совершенно неожиданной для авторов антинакшбендийской акции. Поднялся такой шквал протестов, что исполнители поспешили с опровержениями, а Дудаев лицемерно извинялся, утверждая, что акция СМИ была проведена совершенно без его ведома.

Потерпели дудаевцы поражение и в попытке объявить газават России. Муфтием республики в тот период был Магомед Бешир Хаджи Арсанукаев, сторонник накшбендийского тариката, о чем он никогда не объявлял публично, дорожа единством всех тарикатов. Это был, несомненно, честнейший, благородный, и глубоко порядочный человек, один из самых глубоких знатоков ислама, пользовавшийся непрекаемым авторитетом у всего населения. Так вот, на неоднократные попытки, просьбы, предложения, а потом и угрозы с требованием объявить газават России этот благородный старец отвечал категорично: «Оснований для объявления газавата нет!» Тогда его отстранили властью Дудаева, а на его место назначили послушного и бес-

принципного новоиспеченного «шейха», как он сам себя именовал. Этот объявил газават, но потом то ли усомнился, то ли усомнился в перспективах победы над Россией, а, может быть, просто испугался, однако и в частных разговорах, и выступлениях стал отрицать газават. Его тоже отстранили, а позднее он был бит палками по решению шариатского суда — довольно типичная судьба перевертышей.

В отношениях с духовенством лицемерные игры продолжались и дальше. Дудаев сам практиковал зикристские радения и призывал добросовестно блюсти предписания религии, намекая, что сам он соблюдает их ревностно и без устали. А потом возьми да и брякни: «правоверному мусульманину следует совершать троекратный намаз в сутки». Сопровождавшие Дудаева во время его выступления на ТВ лица стали подсказывать ему сначала шепотом, а потом и громче, так, что вся республика слышала: «Пять, пять намазов, скажи пять намазов, а не три». Тут генерал расслышал, наконец, суфлеров и добавил снисходительно — ну ладно, можно и пять намазов делать, если есть охота. Конфуз был, конечно, большой: оказалось ревнитель веры не знал об элементарных предписаниях пропагандируемой им веры.

Столь же непоследовательной и сумбурной была политика режима в отношении к интеллигенции и, к сожалению, не без повода с ее стороны.

ФИГУРАНТЫ БЕЗ МАСОК

Бывшие преподаватели истории КПСС, научного коммунизма с первых же дней выдают дудаевской авантюре ярлык национально-освободительного движения, а представителей законной

власти, свергнутой Дудаевым при поддержке Москвы, шельмуют как партономенклатуру, прислужников антинародного режима Завгаева. Филологи стали заниматься вопросами государственного строительства, юристы — философией суверенитета. Однако новый режим к перевертышам относился все же с опаской, не доверяя и наказывая при самом малейшем своеволии с их стороны. Были случаи, когда пытавшихся высказать свое несогласие с режимом по тем или иным частным вопросам выставляли из телестудии прямо во время передачи. И это видели опять-таки все телезрители.

Вскоре адепты национально-освободительной войны против России вынуждены были податься... в Россию, Москву, проклиная теперь уже новые чеченские власти, проклиная то, чему преклонялись вчера и воздавая хвалу тому, что хулили накануне. Словом, все как подобает сумеречному времени.

Боевики апробировали новый для них сценический образ: длинные волосы, перехваченные на лбах зелеными лентами с арабской вязью, и бороды под ваххабитов. Бывшую преподавательницу университета, собиравшуюся критически переосмыслить всю западную философию и культуру (об этом широко известила газета), осенило: те ленточки боевиков нужно собрать вместе со всеми революционными аксессуарами и учредить музей национальной славы. Еще прежде эта прекрасная во всех отношениях дама объявляла голодовку, понуждая бывших депутатов Верховного Совета сдать свои депутатские удостоверения дудаевской власти. (Видимо, для гарантии, что советская власть не вернется.) Днем дама голодала, укрывшись в палатке, разбитой прямо на центральной площади, а ночью, как рассказывали, она ела и пила вдоволь,

за каковым занятием застукали ее заказчики этой акции. Разумеется, скандала поднимать не стали, тем более, что большинство депутатов к тому времени уже сдало удостоверения.

Вообще женщины должно быть легче поддаются романтической экзальтации, истерическому шабашу. Например, другая молодая женщина, воодушевленная «национально-освободительной революцией», учительница, мать троих детей, из которых младшая дочь была грудного возраста, оставила их на попечение отца, о чем известила запиской, написанной перед уходом из дома: «Ушла в революцию. Прошу не искать». Бедный муж искал ее на митингах, собраниях, совещаниях активистов и подвижников и всем демонстрировал указанную записку. Все это были зримые результаты тогдашней экзальтированности населения пропагандистской машиной новой власти.

О Дудаеве (совершенно очевидно, что с его ведома) распускали слухи, что он послан провидением с миссией спасти чеченцев. Находились даже такие, которые лично видели, как он приземлялся в Чечне в сопровождении ангелов на белом коне. На митингах пообносившиеся от прожитых лет личности утверждали, что самолично будут сшибать с неба российские самолеты, протыкая их своими посохами, если начнутся бомбежки республики. Даже малейшее напоминание о том, что Россия великая страна, естественный, богом данный, сосед и ее следует уважать и ни в коем случае не ввязываться в войну с русскими, к которым прежде чеченцы испытывали искреннее уважение — даже напоминание об этом вызывало осуждение и преследование.

Я пишу здесь об этих полуанекдотических эпизодах, взятых из повседневной жизни, митинговых буден 1991–1994 годов, испытывая и теперь

чувство некоторой неловкости и жалости к тем, сбитым с толку, утратившим чувство реальности людям, которых оболванили, ввергли во временное умопомрачение.

Дудаев — главный бес этой трагедии и завывавшие вокруг него сирены — средства массовой информации Удугова и Яндарбиева не давали народу опомниться, взглянуть трезво вокруг себя. Даже когда началась война и ее безжалостный молох перемалывал сыновей тех митинговых, обносившихся от несообразной жизни стариков, народ еще долго не мог выйти из состояния дурманящего гипноза. Уже потеряв трех и четырех сыновей в этой войне, некоторые обращались к Дудаеву с изъявлением готовности отдать ему для войны последнего оставшегося в живых сына. Я знаю таких людей лично — но это тема особого разговора. Это были зримые наглядные результаты манипуляции общественным сознанием через СМИ, которые превращали народ в стадо, в толпу.

Началась одновременно эпидемия переименования улиц, площадей, парков, учреждений, а также географических названий местностей. Среди тех, чьи имена удостаивались такой чести были и уголовники, убитые при разборках.

Пожалуй, нигде так зловеще не проявлялась практика манипулирования общественным сознанием, как на массовых митингах. Заметим при этом, что и эта эпидемия охватила все население — забросили даже хлебопашество, уход за скотиной; забыли все домашние хлопоты — дневали и ночевали на митингах, которые были объявлены вообще бессрочными. Митинг на главной площади длился несколько месяцев, пока чеченцы не посадили себе на шею, на погибель свою Дудаева. Все это время участникам митинга, его активистам раздавали то мыло, то

стиральные порошки. Куда-то в укромные уголки привозили водку, еще более скрытно снабжали наркотиками. Позднее стали раздавать деньги.

Да, мстительная, жестокая и трагическая это дама — богиня истории. Как ученый, наблюдатель я обязана писать обо всем, что видела, слышала, ибо этот раздел посвящен идеологической практике, технологии манипулирования сепаратистов.

В самом центре города, перед домом правительства оцепили огромную площадь. Понатаскали стулья из расположенных по периметру площади правительственных зданий (кстати, потом их полностью разворовали), расставили, как в театральном партере, огромным полукругом с центром на крыльце бывшего Совета Министров, а на нем как раз под козырьком соорудили помост. В центре рассаживались пожилые, помятые, но с неперменной бородой активисты, по бокам помоста обычно толпились ведущие митинг и их сподручные, помощники и посыльные. Группа свистунов располагалась по бокам амфитеатра. В их задачу входило по условному знаку освистывать нежелательного оратора. Наоборот, своему, часто заранее подготовленному, оратору следовало рукоплескать и всячески выражать знаки одобрения. Речи таких ораторов были часто зажигательны, как китайские хлопушки, но по большей части пустые и бессодержательные. Они производили эффект, но оставляли после себя смрад. Широко использовались слухи, один нелепей другого, «разоблачали», как правило, партократов, которые, по тем же слухам, замышляли какие-то неприятности для народа, причем, существенное значение имело то, какой национальности жена у того или иного руководителя, с кем он связан родственными отношениями. Это была как бы прелюдия выступлений; затем следовали

проклятия и угрозы, которые сопровождались громкими криками одобрения и выражением готовности сокрушить гидру, угрожавшую независимости Чечни. Я обратила внимание, что многие на митингах зачастую не знали о чем или о ком идет речь, но ощущение вражды и готовность к расправе над неизвестным врагом было одинаковым у всех, заразившихся агрессивностью на митинге. Затем стулья, нередко скрепленные между собой по десятку штук вместе, раздвигались по сторонам и на освободившейся площадке начинался зикр. Вскоре утомленные и вспотевшие зикристы начинали по одному или по несколько человек сразу, выскакивать из круга и затем направлялись к берегу Сунжи. Здесь были установлены над открытым огнем огромные, взятые с местного мясокомбината чугунные котлы, в которых варилось мясо. Скотину резали тут же, выбрасывая внутренности в Сунжу. Мясо варилось большими кусками и поедалось тут же на грубо сколоченных длинных столах и скамейках. Целые стада скота, отары овец съели тогда митингующие; благо первые партии скота были оплачены главами кланов, пытавшихся свалить Завгаева. Потом начальники меньшего калибра давали скотину на прокорм митинговщиков в надежде на вознаграждение уже от новых властей.

С улыбкой собственного превосходства и с видимым одобрением происходящего наблюдали за всем предводители кланов, разжиревшие на торговле нефтью, респотребсоюзовские мироеды, заготовители шерсти, мяса, проворовавшиеся или уволенные за мздоимство начальники. Это они давали деньги на весь этот шабаш. Вскоре они сбросились своими миллионами и послали гонцов за срочно произведенным по этому случаю в генералы Джохаром Дудаевым. И снова нелепые

речи, снова обильная мясная похлебка, снова зикр, все тот же бессмысленный бег по кругу и оранжевое марево над головами митингующих, жаркое душное безумное лето и осень 1991 года, обезумевшие люди, иступленно кличущие погибель свою.

Я наблюдала этот взъерошенный, взвинченный, всему враждебный народ, доведенный сепаратистами до белого каления, и приходила в отчаяние от абсурдности происходящего. И было очень опасно. Беснующиеся толпы были готовы растерзать всех несогласных и подозрительных. Они убивали нередко без всякой причины и повода со стороны жертвы. Могут сказать, что это делали не сепаратисты, а уголовники, но в том-то и дело, что люди, захватывающие власть, должны, обязаны просчитать все разрушительные последствия своего покушения на порядок. А если они не в состоянии этого сделать, то не должны сметь даже на пушечный выстрел приближаться к власти. В любом случае, на них ложится вся полнота ответственности за все, что последует после покушения на власть. Впрочем, среди сепаратистов были и уголовники, и сотрудники спецслужб.

Сепаратисты. Да, они были и национал-карьеристами, этническими предпринимателями, ищущими власти, денег, комфорта даже за счет здоровья, чести, достоинства самого народа, готовые возвести свое благополучие на костях того народа, для которого они якобы добивались независимого государства. Выпущенные из тюрем и колоний самые опасные преступники наводили ужас на горожан, грабя и вырезая торговых работников, заготовителей, стоматологов. Если сначала грабили русскоязычных, то потом настала очередь самих чеченцев. По головам и трупам лезли во власть несостоявшиеся актеры, поэты-неудачники,

лживые и завистливые журналисты. А на самом вершине домогались прибыльных постов те, кто вложил свои капиталы в этот шабаш. Хирурги становились вдруг политологами, бывшие атеисты-психиатры делались знатоками ислама, учредителями министерств шариатской безопасности. Еще больше людей без определенных занятий, но жаждавших хлеба и зрелищ, разноликий, пестрый, непредсказуемый народ, по несколько раз на день менявший политические пристрастия, ошалевший от того, что негде было заработать на жизнь. В конце концов эти броуновские блуждания по площадям, улицам, сельским майданам привели их к мысли, что раз власть ничего для них не делает — ее просто не существует и можно превратить в шабашку саму республику. Началась эра повальных грабежей хранилищ национальных ценностей культуры. Сначала ограбили местный Музей изобразительного искусства, имевший несколько дореволюционных шедевров, затем до основания очистили Республиканский краеведческий музей, содержащий бесценные реликвии прошлой истории народа. Осенью дошло дело до сельхозтехники и общественного инвентаря совхозов и колхозов. Даже осенний урожай с полей был расхищен при публичном одобрении генерала Дудаева. «Ташите все, что плохо лежит, — подбадривал Дудаев по ТВ воров. — Все, что сопреет — все ваше. Можешь — тащи, а не можешь — молчи». В конце концов продали все, даже трамвайные провода и рельсы, кончили тем, что выкопали в каждом огороде дыры для высасывания конденсата. Горькие, безумные блуждания слепых, ведомых слепыми, осатаневшими поводырями. Потом пришли федералы и контрактники и превратили в шабашку все, что осталось в республике, мародерство стало всеобщим. Только неся

караульную службу на блокпостах контрактники за 1–2 месяца накапливали за счет поборов деньги для приобретения личных автомашин. Возможно, это самая грязная война уходящего века.

Мы, без малейшей тени натяжки и преувеличения, характеризуем теорию и практику сепаратизма как дилетантизм, прожектерство, и как продуманную и, вместе с тем, примитивную технологию манипулирования. Хорошо бы, конечно, свести сепаратизм в некую последовательную концептуальную систему. Но это не представляется возможным вследствие эклектичности самого объекта исследования и потому раздел этот выглядит по необходимости мозаичным, как и сам предмет, которому он посвящен. Даже сама технология манипулирования была грубой, прожектерской. А вот прожектерство в сфере экономики — здесь невежество вообще было феноменальным.

Главное богатство республики — нефть. Но нефтяная добыча снизилась до небывало низкого уровня вследствие того, что оборудование было безнадежно изношено, а также по причине последовавшей разрухи, самовольного захвата скважин, воровства нефти непосредственно из нефтепровода и из колодцев. Тем не менее, договора о поставке нефти в другие регионы заключались во все увеличивающихся объемах буквально с первых часов после захвата власти. Это дело было поручено вначале бывшему лаборанту университета, десятки лет корпевшему над кандидатской диссертацией, самодеятельному экологу-неформалу. Он подписал бесчисленное количество договоров на поставку нефти в другие регионы и похвалялся тем, что подпишет еще больше. Но потом вдруг обнаружилось, что обязательства поставок по заключенным договорам превышали их возможности в десятки раз.

Затем сформировали Оперативный комитет по управлению народным хозяйством, и его возглавил человек, который до этого успел разграбить весь строительный комплекс республики. Должность председателя комитета по Оперативному управлению народным хозяйством была дана известному расхитителю в покрытие расходов, понесенных им при финансировании Дудаева. Но то, что выкачал этот человек, продавая народную нефть, в сотни раз превысило его расходы на Дудаева; об этом было известно всем жителям республики. А народ уже

тогда голодал и примешивал комбикорм в муку для выпечки хлеба.

Сепаратизм — в экономической, хозяйственной, финансовой сфере порождает невиданную прежде коррупцию и криминализацию общества и это делает вполне реальным перспективу экономического коллапса. Полная духовная прострация больших масс людей, криминализация сверху до низу, эрозия выношенных веками духовных и нравственных ценностей, а затем горькое и глубокое разочарование, апатия — таковы результаты сепаратистского манипулирования в Чечне.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См.: *Мачавариани, Ираклий*. Переходный период на Северном Кавказе заканчивается // «Независимая газета». 6 октября. 1998.
2. Separatism. Culture Counts, Resources Decide // The Comparative Politics Conference. Michigan Institute. 1997. P. 18.
3. Там же.
4. *Тишков В.А.* Феномен сепаратизма // «Федерализм». 1999. № 3. С. 25.
5. *Zarkovic Bookman, Milica*. The economics of secession. New York, St. Martin's Press. 1992. P. 177.
6. *Попов, Аркадий*. Причины возникновения и динамика развития межнациональных конфликтов // Идентичность и конфликт в постсоветских государствах. М., 1997. С. 287.
7. Там же. С. 279.
8. Там же. С. 290.
9. Управление этническим конфликтом. Меморандум Кона // «Независимая газета». 13 сентября. 1994.
10. *Ульянов Н.И.* Происхождение украинского сепаратизма. М., 1997. С. 76.
11. *Ульянов Н.И.* Указ. раб.